Юрий Дмитриев

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОХОТНИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга расскажет о замечательном немецком исследователе и путешественнике — Альфреде Бреме, о путешествиях необыкновенного охотника в неизведанные тогда страны, об удивительных и опасных приключениях, о благородстве и мужестве этого человека и о том, как создавалась одна из самых популярных его книг — «Жизнь животных».

- Юрий Дмитриевич Дмитриев
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Глава первая
  - ○ Глава вторая
  - ○ Глава третья
  - ○ Глава четвертая
  - ○ Глава пятая
  - ○ Глава шестая
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

Юрий Дмитриевич Дмитриев

Необыкновенный охотник

Брем

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,

О мужественных людях — революционерах,

Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.

Кто с детства был настойчивым в стремленьях

И беззаветно к цели шел своей.

Юрий Дмитриев

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОХОТНИК

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

Прежде чем начать эту книгу, я хочу рассказать небольшую историю, которая произошла со мной в детстве.

Было мне тогда, наверное, лет двенадцать. Как-то я отправился к своему школьному товарищу, но его не оказалось дома, и мне предложили подождать.

Я вошел в комнату и подсел к столу, на котором лежало несколько книг. Они были толстые, а я, честно говоря, в то время боялся таких книг: все они казались мне скучными. Но тут делать было нечего, и я открыл одну из них. И увидал картинки: прекрасные рисунки зверей. А я тогда очень и очень интересовался всеми четвероногими, пернатыми, шестиногими и вовсе безногими существами, всем, что рычало и пищало, прыгало и ползало. Конечно же, я стал читать подписи под картинками, потом, как-то незаметно для себя, начал читать и саму книгу…

Давно уже вернулся мой товарищ, что-то говорил мне, куда-то звал, а я ничего не слышал, кроме шума деревьев, плеска воды, трубных звуков слонов. Я оказывался то в непроходимом лесу, то в жаркой пустыне, видел то страшную пасть крокодила, то крошечных беззащитных зайчат.

Наконец, я с трудом оторвался от книги и только тогда посмотрел на обложку. Книга называлась «Жизнь животных», а написал ее Альфред Брем. Фамилия эта мне ничего не говорила. Но дело было не в авторе, а в самой книге: прочитать ее сразу я, конечно, не мог. Дать мне домой книгу товарищ категорически отказался. Зато разрешил приходить когда угодно и читать сколько я захочу.

И я стал приходить. Я забросил даже футбол и кино. Все свободное время читал. Прочитал одну книгу — о насекомых, и принялся за другую — о рыбах. Взялся за третью — о земноводных и пресмыкающихся, затем прочитал книги о птицах и зверях.

И только потом я, наконец, подумал о человеке, который их написал. Кто он такой? Откуда все это узнал?

Начал расспрашивать взрослых, но никто ничего толком не мог мне сказать. Говорили лишь: ученый, путешественник, исследователь. Но мне этого было недостаточно.

С тех пор прошло много лет. Давно уже у меня появились собственные книги Брема, и я не раз перечитал их. Узнал, когда они были написаны, сколько раз издавались, на какие языки переведены. Короткие предисловия и справки в энциклопедиях сообщали, когда и где жил автор этих удивительных книг. Но мне по-прежнему, как и в детстве, очень хотелось узнать об этом человеке побольше. И я был твердо убежден, что жизнь Альфреда

Брема интересует не только меня. Когда я заговаривал о Бреме в кругу своих друзей и знакомых, все дружно кивали головами — имя это им было известно. Но когда я спрашивал о нем более подробно, все только пожимали плечами или разводили руками. И тогда я решил сам разузнать все о Бреме. Я поехал на его родину. Побывал в доме, где он родился, побродил по деревне, где он рос, был в городе, где он учился, в городах, где он жил и работал.

Помог мне и сам Брем — кроме «Жизни животных», он написал еще несколько книг, в которых рассказал о своих путешествиях. Я не буду пересказывать их — надеюсь, что вы сами прочитаете эти книги. Из них я взял лишь некоторые факты биографии Альфреда Брема и некоторые цитаты, иногда немного изменяя их, иногда оставляя без изменений.

Все, о чем говорится тут, — все было в жизни Альфреда Брема. Впрочем, приключений, путешествий, поездок было гораздо больше. Все в книгу не вошло. Да это и понятно: ведь обо всем не скажешь, и я старался рассказать лишь о главном.

Когда я писал эту книгу, я все время думал о тех, кто, прочтя «Жизнь животных», спросит: «А кто же этот человек, написавший такие чудесные книги? Где он жил, где бывал, откуда узнал все это?»

И мне хочется, чтобы здесь вы нашли ответы на эти вопросы.

Итак — повесть об Альфреде Бреме. Ее, конечно, можно было бы начать со 2 февраля 1829 года. Это было бы правильно, потому что в этот день Альфред родился.

Можно было бы начать и с лета 1837 года. В то лето отец подарил восьмилетнему сыну ружье, и Альфред стал самостоятельно бродить по лесам, окружавшим его родную деревню. И начать с этого тоже было бы правильно: ведь некоторые ученые считают, что именно то лето сыграло решающую роль в жизни будущего натуралиста.

Можно было бы начать и с какого-нибудь другого события, сыгравшего важную роль в жизни Альфреда. Но я начну с события, которое, казалось бы, поначалу не имело никакого отношения к будущему ученому и путешественнику, но которое оказалось решающим в судьбе Альфреда Брема.

Начну я с приезда барона фон Мюллера.

Глава первая

Приезд барона Мюллера к пастору Брему

Рентендорф — небольшая деревушка, затерявшаяся среди лесов и холмов Тюрингии, лежала в стороне от главных проезжих дорог. Ни в ней самой, ни поблизости от нее не было старинных рыцарских замков или каких-то других достопримечательностей, ради которых стоило бы приезжать сюда.

Но немало людей все-таки проделывали длинный и утомительный путь, чтоб попасть в эту небольшую тюрингскую деревню. Местные жители уже привыкли к этому и знали, что приезжают к пастору Христиану Людвигу Брему совсем не для того, чтоб исповедаться или поговорить о боге.

Пастор местного прихода Христиан Людвиг Брем был человеком уважаемым не только в Рентендорфе — его честность и благородство, доброта и отзывчивость снискали ему популярность далеко за пределами деревенского округа, именно за это ценили его прихожане. И очень немногие знали, что их духовный наставник — известный ученый, один из крупнейших в Европе знатоков птиц, один из основоположников науки о птицах — орнитологии, что он почетный член различных научных обществ, что его приглашают на заседания в Иенский университет и к его мнению прислушиваются самые знаменитые профессора. А его трехтомное сочинение «Материалы к познанию птиц», «Монография попугаев» и другие книги были хорошо известны ученым и любителям природы.

Всего этого крестьяне, конечно, не знали. И не следует тому удивляться: ведь сто с лишним лет назад наука была достоянием очень немногих, смысл и значение ее были понятны далеко не всякому, ученые, нередко жившие в нищете, считались чудаками. Видимо, чудаковатым считали прихожане рентендорфского церковного прихода и своего пастора — как-то непонятно им было, зачем пастор столько времени проводит в лесу, зачем столько сил тратит на изготовление чучел, почему так подолгу и так внимательно наблюдает за какой-то малоприметной пичугой, устроившей свое гнездо под стрехой сарая. Но прихожане прощали своему наставнику эти «чудачества» — у кого их нет? — и ласково называли Христиана Брема «птичьим пастором».

Однако приехавший в то весеннее утро 1847 года в Рентендорф барон Джон фон Мюллер был иного мнения о местном пасторе. Он никогда не видел Христиана Людвига Брема, но знал о нем больше, чем прихожане, регулярно слушавшие проповеди пастора и исповедовавшиеся ему в грехах.

Джон Мюллер (так почему-то называл он себя на английский манер, хотя от рождения носил имя Иоганн Вильгельм) был человеком богатым. Его дед в молодости эмигрировал в Южную Африку, нажил там большие деньги и, вернувшись на родину, купил старинный рыцарский замок под Вюртембергом, а заодно и баронский титул.

Дед Мюллера был доволен судьбой, но внуку богатства и денег оказалось недостаточно. Ему еще нужна была слава, причем обязательно слава ученого.

И вот, окончив в 1845 году университет, девятнадцатилетний барон отправляется в путешествие. Для начала он выбрал Алжир и Марокко. Правда, первое путешествие не прославило барона, не сделало его имя известным среди ученых. Однако барон не собирался отступать. Что ж, у него достаточно денег, достаточно упорства, он еще очень молод и добьется своего.

И Мюллер активно занялся подготовкой новой экспедиции. Но если денег, энергии и желания у барона было более чем достаточно, то знаний ему явно не хватало.

И тогда, поразмыслив и посоветовавшись со сведущими людьми, решил Мюллер отправиться к знаменитому орнитологу пастору Брему.

…Оставив экипаж на крохотной деревенской площади, рядом с трактиром, на вывеске которого красовался большой красный петух, барон медленно стал подниматься по узенькой крутой улочке к пасторскому дому, едва видневшемуся среди густой

зелени деревьев.

Миновав маленькое кладбище, барон остановился и огляделся. Сзади и чуть внизу осталась деревня, прямо перед ним возвышалась небольшая церковь и пасторский домик, а дальше, почти сразу за домиком, поднималась зеленая стена леса.

Высокий широкоплечий человек вышел из дома и не торопясь направился навстречу барону. Мюллер сразу понял, что перед ним пастор, хотя почему-то представлял его себе совсем иным. Может быть, виной тому была черная бархатная шапочка, которая придавала Брему слишком домашний вид и которая так не вязалась с мужественным выражением его обветренного лица.

Пастор Брем привык к самым неожиданным посетителям, и вряд ли удивило его появление в Рентендорфе барона. Может быть, Брема — человека сдержанного и немного сурового — несколько удивили изысканный, мало приспособленный к путешествиям костюм приезжего, дорогие перстни и тонкая трость с золотыми украшениями, но он не подал вида. Коротко поздоровавшись с гостем, он решительным жестом пригласил его в дом.

Мюллер поднялся на невысокое крыльцо и остановился пораженный. В первые секунды он как будто даже не понял, куда попал: с полок, из шкафов, со стеллажей, вытянувшихся до потолка, смотрели на него птицы. Лишь через несколько секунд сообразил Мюллер, что находится в кабинете пастора и видит его знаменитую, крупнейшую в Европе и, наверное, одну из самых крупных в мире коллекцию птиц. Впрочем, это была, конечно, лишь часть коллекции пастора Брема — вся она не смогла бы поместиться и в десятке таких кабинетов: ведь в ней насчитывается свыше девяти тысяч экспонатов!

Чучела птиц стояли в определенном порядке, каждая имела этикетку. Многие птицы были знакомы барону — одни водились в Германии, других он встречал в Алжире или Марокко, но многих видел впервые.

Мюллер знал о коллекции Христиана Людвига Брема, но даже представить себе не мог, что она производит такое сильное впечатление. И — подумать только! — это научное богатство собрано здесь, в маленькой деревушке. Ах, если бы эта коллекция была в залах его замка! Барон на секунду представил себе, как водит он гостей по залам, как небрежно говорит им о том, что нигде в Европе нет больше такой коллекции, как слышит слова восхищенных гостей…

А ведь у него могла быть коллекция птиц. Правда, не такая замечательная, как у Брема, но все-таки… И возможно, там имелись бы такие экземпляры, которых нет здесь. Да, могла бы

быть, если бы барон, путешествуя по Алжиру и Марокко, увлекался не только охотой. Но барону лень было заниматься препарированием и сохранением добытых птиц, и вернулся он в Европу с пустыми руками.

Мюллер смотрел на коллекцию пастора и понимал, сколько труда, настойчивости и терпения вложено в нее. И тут же дал себе клятву работать, работать не покладая рук, сделать все, чтоб заслужить такое же доброе имя в науке, какое имеет пастор Христиан Людвиг Брем. И хотя за свою не такую уж долгую жизнь — барону едва исполнилось тогда двадцать три года — он уже не раз давал себе подобные обещания, в эти минуты он искренне верил, что сдержит свою клятву.

И поэтому, когда Мюллер заговорил, голос его звучал так искренне, что неприязнь, возникшая у пастора с первых же минут их знакомства, стала проходить. Ведь в конце концов слишком громко кричащий о богатстве своего владельца костюм, очень дорогая трость и перстни, бриллиантовая булавка для галстука не самое главное. Может быть, это лишь шелуха, оболочка, под которой находится сущность человека? И возможно, хорошего человека, который станет настоящим ученым. Как знать?

Так ли думал пастор Брем в те минуты, когда говорил барон, или несколько иначе, но он поверил Мюллеру. Да, собственно, почему и не поверить — ведь в тот момент барон действительно был искренен, действительно был убежден в том, что отдаст все во имя науки.

И серьезный разговор пастора Христиана Людвига Брема с бароном Джоном фон Мюллером состоялся.

Мы не знаем и никогда, конечно, уже не узнаем, о чем говорил пастор с бароном. Но, представляя себе положение в тогдашней биологической науке, представляя, какие вопросы тогда интересовали зоологов, и, в частности, орнитологов, мы можем предположить, о чем шел разговор в тот день в кабинете пастора Брема.

О чем могли разговаривать пастор Брем и барон Мюллер

Поскольку барон Мюллер увлекался орнитологией и поскольку он приехал именно к орнитологу Брему, можно почти с уверенностью сказать, что разговор их был в основном посвящен птицам. А поскольку экспедиция, которую задумал барон, должна была преследовать научные цели (и, естественно, поставить имя

Мюллера рядом с крупнейшими учеными того времени), то разговор, видимо, касался научных проблем, волновавших в то время орнитологов.

Проблем было много. Например, одна из них — открытие новых видов. А что значит открыть новое животное? Когда астрономы открывают новую планету, это значит, что до них никто никогда не видел ее. Когда геологи открывают новое месторождение полезных ископаемых, это значит, что никто никогда до них не знал о существовании в этих местах, допустим, железной руды или нефти. В зоологии не так. Открытие в зоологии похоже скорее на открытие новых земель. Мореплаватели находят в океане неизвестный остров. Но это вовсе не значит, что о существовании этого острова никто не знал — на нем могли жить люди, о нем могли знать жители соседних островов или материка и бывать на нем. Но остров считается открытым лишь тогда, когда он будет нанесен на карту, указано его место в океане, хоть кратко описаны его берега, его природа. Это относится не только к островам, но и к материкам. Самый яркий пример тому — Америка. Ведь Америка существовала, конечно, и до того, как посетил ее Америго Веспуччи или Христофор Колумб. И местные жители вовсе не сомневались, что материк, на котором они живут, существует. Но лишь после того, как он был нанесен на карту географами, состоялось «открытие Америки».

То же самое и в зоологии. Люди испокон веков существовали бок о бок с животными, и жизнь людей настолько прочно переплелась с ними, что отделить существование человека от животных невозможно. Но — странное дело! — люди не знали животных. То есть у человечества не было сколько-нибудь систематизированных знаний. Конечно, и первобытным людям, охотившимся на зверей, были известны их повадки — без этого они не могли бы успешно охотиться. И древним скотоводам, очевидно, хорошо были знакомы повадки и привычки прирученных и одомашненных ими животных, и первые селекционеры, выводившие новые породы домашних животных, должны были многое знать. И все-таки науки еще не было, не было систематизированных знаний, которые и есть наука.

Правда, уже очень давно люди пытались систематизировать животных. Первая попытка была сделана Аристотелем (384(5)–322 гг. до н. э.). Он описал 454 вида. Через две тысячи лет другой ученый, Линней, составил список известных человечеству животных, который насчитывал 4200 видов. За две тысячи лет этот список увеличился в девять раз. Менее чем через сто лет было известно уже 30 тысяч животных, обитающих на нашей

планете. В это время известный английский ученый Л. Окен заявил, что, очевидно, столько же существует еще не открытых. Многие коллеги Окена нашли это предположение слишком смелым, но уже к концу прошлого века одних только бабочек было известно 80 тысяч видов.

Сейчас список животных насчитывает более миллиона видов. И ученые считают, что он далеко не полный — открытия неизвестных еще науке обитателей нашей планеты продолжаются. И это сейчас. Что же говорить о том времени, когда происходил разговор пастора Брема и барона Мюллера? Ведь это было очень бурное время в зоологии и географии — еще продолжали открывать новые земли, на которых обитали никому из ученых не известные животные, научные экспедиции, отправлявшиеся в неисследованные леса Африки и Америки, Австралии и Азии, на каждом шагу встречали незнакомых зверей и птиц, делали новые удивительные открытия.

Но нередко открытия делались не там, где исследователи ловили или добывали неизвестное животное, а за много тысяч километров от того места, в тиши лабораторий или кабинетов. Ведь часто на месте невозможно определить, новый это вид или уже известный науке. Даже самый опытный натуралист не может запомнить и части животных, открытых ранее. А иногда новый вид очень мало отличается от уже известного. Для того чтоб установить, новый это вид или уже открытый ранее, требуются специальные таблицы или коллекции, то есть то, что в экспедиции бывает далеко не всегда.

Значит, надо аккуратно сохранить животное или его шкурку, точно записать, где и когда оно добыто, в каком месте, среди какой растительности и т. д. И потом, вернувшись из экспедиции, определить — открытие это или нет.

Сейчас науке известно около 9 тысяч видов птиц. В середине прошлого века их известно было гораздо меньше. Пастор Брем понимал, конечно, что список известных ему и его современникам птиц далеко не полный. И видимо, об этом, об открытии новых видов птиц, о том, что необходимо учесть, чтоб сделать эти открытия, и говорил Христиан Людвиг Брем с бароном фон Мюллером.

Возможно, говорили они и о другом. Например, о птичьих перелетах, которые тогда очень занимали ученых. Впрочем, не только тогда.

О перелетах птиц люди знали очень давно. Ведь не могли же они не обратить внимания на то, что весной многие пернатые появляются, а осенью исчезают. Но вот куда они исчезают — представить себе не могли. Великий натуралист древности

Аристотель писал в своих трудах, что птицы на зиму прячутся в дупла деревьев или пещеры. Но этому не очень верили, потому что никто никогда не находил в дуплах и пещерах спящих птиц. Гораздо больше верили люди легенде, что птицы на зиму погружаются в воду и там остаются до прихода весны. (Даже в это фантастическое предположение могли поверить люди скорее, чем в то, что птицы на зиму улетают в жаркие страны.)

Эта легенда жила много веков, и лишь в 1740 году она была развеяна. Один немецкий натуралист обмотал красными нитками ножки ласточки и на следующий год, поймав ее на гнезде, внимательно изучил эти нитки. Никаких признаков того, что нитки долго находились в воде, он не обнаружил.

Однако и до этого эксперимента, видимо, догадывались люди, что не в воде зимуют птицы. Но где?

Делались робкие попытки выяснить это. Так, в 1710 году в Германии была поймана серая цапля с серебряным кольцом, надетым на нее в Турции.

Очевидно, это было известно пастору Брему. Но уж что несомненно было ему известно, так это история с аистом, пойманным в 1822 году в Германии. Аист этот нес на себе стрелу, изготовленную, как определили специалисты, в Африке.

Значит, птицы, живущие в Германии, зимуют в Африке?! Барон имеет возможность понаблюдать в Африке за европейскими птицами…

В общем-то, пастор Брем, как и некоторые его коллеги, был уверен в том, что птицы совершают ежегодно тысячекилометровые перелеты. Он не раз упоминал об этом в своих работах, но, как совершают птицы эти перелеты, как находят дорогу, как ориентируются, как у них хватает сил на такую дорогу, — этого ни пастор Брем, ни другие ученые тогда не знали[1]. Но вопрос этот его очень интересовал, и вряд ли он не говорил об этом с бароном.

Очевидно, говорили они и о многом другом, о чем мы можем только догадываться. Очень возможно, что многое в этом разговоре нам показалось бы наивным; быть может, они горячо обсуждали и такие вопросы, которые сейчас даже у школьников не вызывают сомнений. Но надо ведь помнить, что разговор-то этот происходил весной 1847 года, то есть в середине прошлого, XIX века.

Да, к середине XIX века зоология значительно продвинулась вперед по сравнению с тем, что происходило в науке еще сравнительно недавно. И в то же время она сделала только первые по-настоящему значительные шаги. Еще не было известно учение Чарлза Дарвина, еще не было открытий и работ многих

других зоологов и биологов, продвинувших вперед науку. Не было еще и книг Альфреда Брема. И никто даже предполагать не мог, что они когда-нибудь будут: ведь он изучал искусство и собирался стать архитектором.

Предложение барона Джона Мюллера студенту Альфреду Брему

В жизни нередко бывает: одних людей ничто не влечет, у них ни к чему нет особого призвания, у других призвание ярко выражено, третьи увлекаются и одним и другим, причем иногда кажется, что эти увлечения несовместимы, должны взаимно исключать друг друга.

Альфред Брем принадлежал к этой, третьей группе или третьему типу людей. Едва научившись как следует ходить, он уже долгие часы проводил в лесу — благо лес находился буквально за домом. Когда стал старше — вместе с отцом, а потом и самостоятельно, с рассвета до темноты, бродил по лесистым холмам Тюрингии. Альфред знал в округе чуть ли не каждую тропинку, мог по голосу, по полету определить любую птицу, жившую в тюрингских лесах.

И в то же время было другое увлечение, пожалуй, не менее сильное. Он очень рано научился читать, и книги для него стали такой же радостью, такой же необходимостью, как лес. Особенно любил он книги о жизни художников и музыкантов, очень нравились ему стихи — их он запоминал легко и быстро, как запоминал птичьи голоса. А когда длинными зимними вечерами вся семья собиралась в столовой и мать читала вслух Гёте и Шиллера, Гюго и Шекспира, не было более внимательного и увлеченного слушателя, чем Альфред. И, наверное, никто тогда не мог сказать, что больше волнует и увлекает Альфреда — литература и искусство или природа.

Великий немецкий поэт Гёте был и известным натуралистом. Он писал о себе:

Я от отца имею стан
И нрав сурово-честный.
А матушкой в наследство дан
Мне песен дар чудесный.

Эти слова можно в полной мере отнести и к Альфреду Брему:

в нем всю жизнь жили два человека — поэт и ученый, жили, не только не мешая, но и очень помогая друг другу.

Однако тогда, в четырнадцать лет, когда Альфред окончил сельскую школу и ему надо было делать выбор, решать свою судьбу, победил поэт, страсть к искусству и литературе, привитая матерью, победила любовь к природе, воспитанную отцом. Он решил стать архитектором.

…Альфред стоял на высоком холме и смотрел вниз, на белую церквушку, на приземистый отцовский домик, построенный почти сто лет назад, на черепичные крыши, круто сбегающие вниз. Он видел узкую тропинку, по которой бегал в рентендорфскую сельскую школу, и дорогу, по которой, окончив эту школу, ушел в Альтенбург, чтобы поступить в художественно-ремесленное училище. Будущий архитектор сначала должен был овладеть специальностью каменщика.

Три года ходил Альфред этой дорогой; в субботу вечером он приходил домой, чтоб день пробыть с родителями, братьями и сестрами, а в понедельник на рассвете уходил в город, чтобы вовремя успеть на работу или на занятия — подрядчик строительных работ, он же — директор училища Шульц был человеком пунктуальным и не терпел опозданий.

Восемнадцать километров в один конец, восемнадцать в другой. Впрочем, Альфреду, привыкшему бродить по лесам, это было нетрудно. Труднее было без того, к чему он привык с самого раннего детства: без птичьих голосов и шума деревьев, без запаха и шелеста трав. Альфред даже не представлял себе, как все это прочно вошло в его жизнь. И все-таки он не сомневался, что выбрал правильный путь. Поэтому, получив наконец 9 сентября 1846 года свидетельство об окончании училища, где было записано, что «его достижения были достаточными, его прилежание было отрадным, его работоспособность — отличная, поведение — безукоризненное», Альфред отправился в Дрезден, в Институт искусств.

Первый раз в жизни Альфред так надолго покинул родные места, первый раз в жизни он в течение нескольких месяцев лишен был возможности побродить по лесу.

Конечно, он слушал лекции известных профессоров, бывал в знаменитой Дрезденской галерее, подолгу простаивая у полотен великих художников, ездил на Майсельский завод и собственными глазами видел, как создаются шедевры прикладного искусства — прославленный на весь мир саксонский фарфор, в его распоряжении была прекрасная библиотека. Все это было ему очень интересно, все это радовало и волновало Альфреда — ведь это то, к чему он стремился.

Но ведь и лес он любил не меньше. И хоть в маленькой комнатке студента Института искусств Альфреда Брема всюду были расставлены чучела птиц, которые он привез из дома, разве могли они заменить настоящих?

Настоящих увидел и услышал он снова лишь весной 1847 года, когда, окончив первый курс, приехал в Рентендорф на каникулы. Конечно же, целые дни он проводил в лесу. А возвращаясь домой, обязательно заходил к отцу.

Пастор и сам в эти дни старался как можно больше времени проводить в лесу. Он лучше, чем кто-нибудь другой, знал, что это время — время весеннего буйства и торжества природы — самое интересное для естествоиспытателя. Знал это, конечно, и Альфред. И им, знатокам и любителям природы, было о чем поговорить, чем поделиться друг с другом.

Иногда отец и сын засиживались до полуночи, а это в доме пастора было чрезвычайным происшествием — здесь все привыкли рано ложиться и рано вставать. Но что делать, если время бежит так быстро?!

Они обычно сидели друг против друга — отец в своем жестком рабочем кресле, Альфред на невысокой скамеечке около большого чучела марабу — удивительно похожие и в то же время очень разные. Оба высоколобые, ясноглазые, широкоплечие. Но если речь отца была ровная и спокойная, жесты короткими и сдержанными, то сын говорил бурно и страстно, а блестящая память, сохраняющая мельчайшие подробности, богатое воображение, помогающее создавать яркие образные картины, прекрасный голос — все то, что он унаследовал от матери, — придавали его рассказам особую прелесть и обаяние.

Трудно сказать, о чем думал в эти вечера пастор Брем. Может быть, слушая рассказы сына о дне, проведенном в лесу, пастор жалел, что Альфред не станет зоологом. Но в то же время Христиан Людвиг Брем понимал, что для этого надо окончить университет. Однако в университете уже учился брат Альфреда Рейнгольд, а дать университетское образование двоим сыновьям сельский пастор на свои доходы не мог.

Поэтому очень возможно, что, слушая вечерами рассказы Альфреда о Дрездене, видя, с каким увлечением он рассказывает о музеях и лекциях профессоров, пастор радовался, что Альфред получит прекрасную специальность, которая ему по душе, станет самостоятельным и уважаемым человеком.

И все-таки, наверное, где-то в глубине души Христиан Людвиг Брем жалел, что сын его не станет зоологом. Если бы это было не так, дальнейшие события того памятного дня развивались бы иначе.

А события развивались таким образом.

Альфред в этот день вернулся домой раньше обычного — он обещал матери прийти к обеду. Такие счастливые дни в семье пастора теперь бывали не часто: старший, Оскар, стал довольно известным энтомологом — специалистом, изучающим жизнь насекомых, Рейнгольд учился в Иене, Альфред — в Дрездене. Но сегодня все: и старшие дети, приехавшие в Рентендорф, и младшие — одиннадцатилетний Эдгар, восьмилетний Артур, семилетняя Матильда и даже крошка Текла — соберутся за одним столом.

Альфред пришел вовремя, но прежде, чем снять охотничью куртку и сапоги, он, как уже повелось, зашел к отцу.

Так произошла встреча, которая решила дальнейшую судьбу Альфреда.

Пастор представил сына барону. Барон не удивился, узнав, что Альфред готовится стать архитектором: ведь совершенно не обязательно, чтоб дети шли по пути отцов. Но когда Христиан Брем упомянул о том, как хорошо знает Альфред птиц, сколько времени провел он в лесу за свою короткую жизнь, Мюллер насторожился.

Барон был человеком энергичным, решения принимал быстро и, задумав что-то, стремился добиться своего. Пастор еще продолжал говорить о сыне, о том, что наряду со склонностями к естествознанию у него сильная тяга к искусству, а барон уже лихорадочно обдумывал только что пришедшую ему мысль.

Барон знал, что в экспедиции ему нужен будет помощник — человек сильный, знающий свое дело и любящий природу. Правда, Мюллер еще не задумывался о кандидатуре — он собирался начать подыскивать помощника после посещения Рентендорфа. Но сейчас его планы изменились: зачем откладывать поиски, зачем вообще надо кого-то искать, когда идеальный помощник стоит перед ним! Однако захочет ли он поехать в экспедицию? Согласится ли пастор отпустить сына?

Уже давно все собрались в столовой и с нетерпением поглядывали на дверь, но ни хозяин дома, ни Альфред, ни гость не появлялись. Все понимали, что там, за плотно прикрытой дверью пасторского кабинета, происходит какой-то чрезвычайно важный разговор. Но никто даже предположить не мог, что это был за разговор и каковы будут его последствия.

А в кабинете пастора происходило следующее. Барон безо всяких предисловий предложил Альфреду поехать с ним в Африку, заявив, что давно ищет надежного спутника, знающего и любящего природу, умеющего обращаться с коллекционными материалами, вести дневник и наблюдать за животными. Но

никак не мог отыскать такого и вот теперь, встретившись с Альфредом, понял, что нашел того, кого искал. Мюллер, конечно, хитрил, но ни отец, ни сын не обратили на это внимания — предложение барона было настолько неожиданным, настолько застало их врасплох, что оба растерялись.

Наконец пастор сказал, что барон все-таки обратился не по адресу. При всей своей любви к природе Альфред не собирается становиться естествоиспытателем. Путь, по которому он пошел, был выбран им самостоятельно, без какого-либо давления со стороны. Альфред хочет стать архитектором!

Но не таков был барон фон Мюллер, чтоб отступать, тем более что он уже окончательно убедил себя: Альфред будет ему идеальным помощником. Мюллер не стал отговаривать Альфреда бросить архитектуру — эту прекрасную и всеми уважаемую специальность. Но разве архитектору не интересно совершить путешествие в Африку, а заодно посетить и Грецию (посещение этой страны — в плане экспедиции) с ее замечательными архитектурными памятниками? Невозможно спорить, что это интересно всякому, а архитектору особенно. Нельзя не согласиться и с тем, что такое путешествие требует больших затрат. И неизвестно, сможет ли когда-нибудь архитектор Брем позволить себе подобную поездку. А сейчас все расходы барон берет на себя.

Мюллер говорил долго. Он говорил и о том, как путешествие расширит кругозор молодого человека, как оно может повлиять на всю его дальнейшую жизнь: ведь очень возможно, что именно в экспедиции Альфред поймет, что не искусство, а наука — его истинное призвание. И наконец, если это окажется не так, через год, вернувшись из Африки, Альфред снова сможет приступить к занятиям в Институте искусств. В конце концов, в его возрасте один год не имеет значения.

Так говорил барон, и трудно было с ним не согласиться. Но пастор Брем молчал. И это молчание обнадежило барона. Действительно, если бы отец Альфреда был против его поездки, если бы считал неразумным бросать учебу, он мог бы давно прервать Мюллера, сославшись хотя бы на то, что их ждут за столом, а затем своей родительской властью запретить Альфреду и думать о поездке в Африку.

И барон продолжал говорить, рисуя заманчивые картины, строя грандиозные планы их поездки, обещая сделать все, чтоб ни Альфред, ни его родители не жалели, если молодой Брем примет это предложение.

Пастор сидел молча в своем кресле, и на его лице нельзя было прочитать ничего. Зато на лице Альфреда было написано

все, о чем он думал, все, что чувствовал и переживал в эти минуты.

Конечно, он готов принять предложение барона, принять сейчас же, немедленно. Думал ли он в эти минуты об архитектуре, о том, что готов бросить ее? Наверное, нет, не думал, так же как в эти минуты, видимо, не думал, что готов стать зоологом. Возможно, он был согласен с бароном: путешествие в неизведанные страны, даже если на время придется забыть об искусстве, вовсе не означает, что он откажется от него совсем. К архитектуре можно вернуться и позже, а такого случая поехать в Африку может больше не представиться никогда!

А возможно, Альфред вообще не думал ни о чем: все здравые мысли, все логические рассуждения отступили перед одним — перед возможностью поехать в далекие, неисследованные, малоизвестные и таинственные страны. Так ведь тоже бывает в жизни, особенно если человеку только что исполнилось восемнадцать лет!

Отец ничего не ответил барону. Альфреду же он сказал: «Ты уже взрослый, решай сам».

И Альфред решил: 31 мая 1847 года он покинул родной Рентендорф, чтобы встретиться с бароном в Вене и вместе с ним отправиться в Триест, где уже были заказаны места на пароходе.

Глава вторая

Вверх по Нилу

Альфред смотрел на укутанный утренней дымкой город и старался вспомнить все, что ему известно о нем. Александрия, город, основанный знаменитым греческим полководцем Александром Македонским, столица науки древнего мира. Здесь жили и работали, сюда приезжали крупнейшие ученые того времени Архимед и Птолемей, Евклид и Аристарх. Здесь была знаменитая Александрийская академия. При ней — анатомический театр и обсерватория, зоологические и ботанические сады.

Но в средние века христианское духовенство обрушилось на ученых, на библиотеки и даже на тех, кто просто умел читать. Натравливаемая церковниками, обезумевшая толпа фанатиков разрушила и сожгла храм Сераписа, в котором хранилась бóльшая часть самой крупной по тем временам библиотеки в мире, — сгорели 700 тысяч книг-свитков, многие из которых уже тогда были уникальными. Это произошло в IV веке нашей эры. Альфред читал об этом, но ему казалось, что не могла бесследно исчезнуть великая культура города, и он с нетерпением ждал, когда корабль войдет в порт. Однако, сойдя на берег, он очень скоро разочаровался: безликий, перестроенный европейцами на свой лад центр города, потерявший от этого всю прелесть восточного колорита, грязные, полуразрушенные арабские кварталы — такой предстала перед ним столица науки древнего мира.

К счастью, барон вовсе не собирался задерживаться в Александрии. Он быстро закончил все формальности, отыскал подходящую барку и уже через два дня — 31 июля 1847 года они отправились дальше.

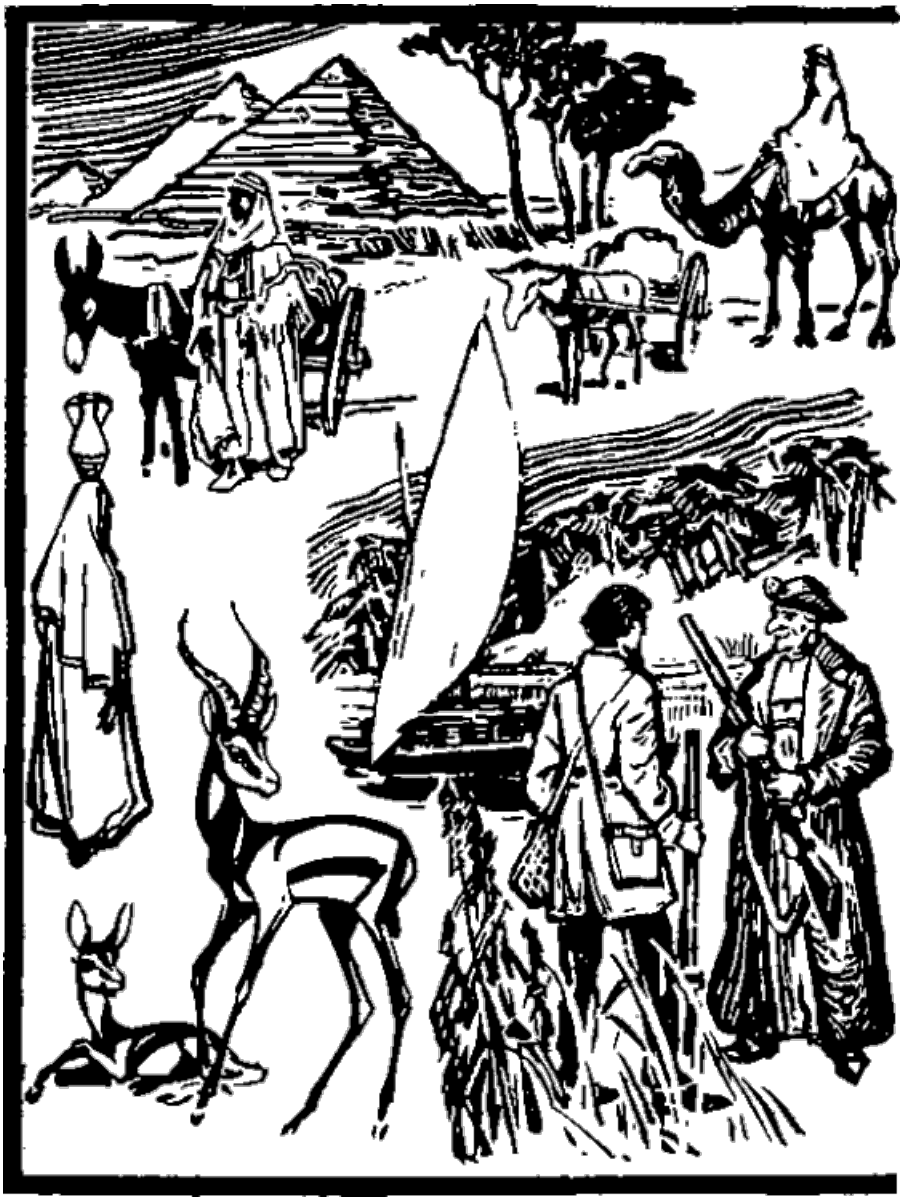
Альфред плохо запомнил путешествие по каналу, а затем по Нилу до Каира: его свалила тропическая лихорадка. И лишь в промежутках между приступами, полулежа на палубе барки, смотрел он на берега великой и легендарной реки.

Много раз еще будет плавать по Нилу Брем, будут у него во время этих плаваний смешные и забавные, опасные и трагические приключения. О некоторых он будет изредка вспоминать, другие быстро забудет. Но то, что произошло во время этого плаванья, он

запомнит на всю жизнь. И не только потому, что это было первое приключение на африканской земле, но и потому, что оно послужило Брему хорошим уроком.

Уже почти в самом конце пути, недалеко от Каира, их барка наскочила на другую и повредила ее. Матросы поврежденного судна быстро перебрались на барку, где находился Брем, и окружили капитана, который немедленно поднял громкий крик, призывая на помощь. Услышав крик, Брем и Мюллер, которого тоже мучили приступы лихорадки, схватили оружие и выскочили на палубу. Увидев вооруженных людей, нападавшие в ужасе бросились к борту и моментально оказались в воде. Успокоившись, капитан объяснил, что это разбойники, которые пытались захватить судно.

Лишь позже Альфред и барон узнали, что матросы с поврежденной барки вовсе и не собирались захватывать судно. Они лишь требовали, чтоб виновник аварии возместил ущерб — заплатил стоимость ремонта поврежденной барки. Жуликоватый капитан, которому очень не хотелось раскошеливаться, решил воспользоваться тем, что европейцы не знают языка и не понимают, что происходит.



Барон не придал никакого значения этому эпизоду и скоро забыл о нем. Альфред же твердо решил: чтоб больше не попадать в нелепые положения, чтоб жулики не могли воспользоваться его незнанием языка, чтоб путешествие проходило успешно, выучить арабский язык. И довольно скоро он не только мог свободно разговаривать с местными жителями на их родном языке, но выучил и турецкий: Египет в то время находился под властью Турции, и турецкий язык был очень распространен, особенно среди правительственных чиновников.

Каир, или, как называют его арабы, Маср-эль-Кахира, что в

переводе значит главный и непобедимый город, встретил их неприветливо: приступы лихорадки там стали почему-то еще тяжелее, к тому же в день их приезда произошло землетрясение. Лишь через восемнадцать дней смог Альфред выйти из гостиницы. Он был еще очень слаб и не собирался долго гулять по городу. Но воздух, небо, солнце, люди, звери, минареты, купола, дома — все ему было ново, все захватило его в первые же минуты.

С каждым днем Альфред чувствовал себя лучше и с каждым днем проводил все больше времени на улицах Каира. Он бродил в толпе, похожей на гигантский клубок, который непрестанно спутывался, разматывался и опять наматывался. Он рассматривал пешеходов и всадников на ослах, на лошадях или взгромоздившихся на спину верблюдов; он рассматривал полуобнаженных феллахов и купцов в высоких чалмах, ободранных, в лохмотьях солдат и офицеров в мундирах, расшитых золотом. Все перемешалось в этой пестрой толпе — европейцы и негры, бедуины и торговцы из Индии или Кавказа, скрипучие тележки, которые тащили ленивые верблюды, и коляски, запряженные великолепными лошадьми, впереди которых бежал скороход и громко хлопал бичом, богато одетые знатные турки на роскошно оседланных благородных конях в сопровождении конюхов с красными платками на плечах и бедные водоносы, сгибающиеся под тяжестью огромных бурдюков или глиняных кувшинов, слепые нищие и торговцы сладостями. Эта огромная, ежесекундно сменяющаяся, пестрая и разнообразная толпа представляла одно целое, так же как тысячеголосый и разноязыкий говор ее сливался в один громкий гул.

Иногда, устав от пестроты и яркости толпы, Альфред сворачивал в кривые прохладные уютные улочки, рассматривал дома, отделанные мелкой искусной резьбой, а иногда один или вместе с бароном отправлялся за город, на невысокую гору, с которой открывалась панорама Каира и его окрестностей. Город с трехсоттысячным населением, со множеством куполов и минаретов расстилался у его ног, как сказочный ковер. Нил золотой лентой извивался вдали, а за ним виднелись громадные, неподвластные времени тысячелетние пирамиды. Еще дальше за ними расстилалась беспредельная однообразная бледно-желтая пустыня, так резко контрастирующая с буйной тропической растительностью Каира, его пригородов и берегов Нила.

Альфреду казалось, что он может бесконечно стоять на горе, любуясь панорамой земли фараонов, или без конца бродить в разноязыкой и пестрой толпе. Но скоро он почувствовал, что эти

зрелища, а главное — безделье, начинают его утомлять, все меньше стал он обращать внимания на восточную экзотику, все больше стали привлекать его животные и в особенности птицы, которых было множество и в самом Каире и в его окрестностях.

Барону еще раньше, чем Брему, наскучило любоваться арабской столицей, и он энергично принялся за подготовку к путешествию в глубь страны. Это заняло немало времени — ведь все, что может понадобиться в путешествии, вплоть до мелочей, надо было захватить из Каира: одежду и обувь, писчие принадлежности и инструменты, спички и соль, иголки и нитки.

Потом встал вопрос о транспорте. И тут Мюллер узнал, что из Каира вверх по Нилу отправляется духовная миссия — группа европейских священников, собирающихся обращать неверных арабов в христиан. Практичный барон тотчас же решил использовать это: путешествовать по Нилу вместе со святыми отцами будет и дешевле и безопаснее.

Альфред не был в восторге от такой перспективы. И не потому, что не любил священников, — сын сельского пастора с детства привык почтительно относиться к религии и ко всему, что связано с ней. И в другое время Альфред, возможно, ничего бы и не имел против такого общества. Но первое путешествие по Африке ему не хотелось совершать в обществе людей, чуждых ему по интересам. Однако Альфред был всего лишь секретарем и помощником барона Мюллера.

Очень скоро он убедился, что предчувствие его не обмануло. Но в тот день, 28 сентября, когда барка отчалила от каирской пристани и ветер надул ее паруса, Альфред старался не думать о своих спутниках.

Нильская барка — дахабие — была довольно удобна для путешествий. Больше половины всей ее длины занимала предоставленная пассажирам каюта. Часть палубы, покрытой навесом, тоже была в распоряжении пассажиров, и Альфред почти все время проводил на этой палубе, разглядывая берега, делая записи в дневнике, а потом, когда они с бароном начали охотиться, препарируя здесь добычу.

Барка медленно плыла по реке. Рейс — капитан — стоял на носу, нащупывая фарватер, отдавая приказания мустамелю — штурману, помещавшемуся на крыше каюты, и матросам, состоящим при парусах. Однако старания рейса не избавляли барку от мелей, на которые она довольно часто садилась. Тогда все матросы быстро скидывали с себя одежду, бросались в воду и вытаскивали барку обратно в фарватер. Мели, да и не очень-то рьяные действия матросов замедляли и без того медленное движение дахабие. И Брему пришла мысль использовать это

время: он предложил барону каждое утро спускаться на берег и идти пешком. Маловероятно, что барка обгонит их. Но даже если это и произойдет, на ночь она все равно пристанет к берегу.

Едва очутившись на берегу, Альфред сразу понял, что не напрасно предпочел пеший, не всегда удобный, а иногда и довольно трудный путь комфортабельному путешествию на барке: прибрежные заросли буквально кишели птицами.

Коллекция быстро росла. Возвращаясь на барку, Брем принимался препарировать птиц, и барон очень скоро убедился, что не зря уговаривал Альфреда поехать в экспедицию. Правда, Мюллеру не очень нравилось, что Альфред начинает работу сразу же по возвращении, даже не позволив себе отдохнуть несколько часов. Конечно, барона никто не заставлял работать вместе с Бремом, но он не хотел казаться слабее своего секретаря и присоединялся к нему. Но, когда все пассажиры барки уходили с палубы, Мюллер тоже уходил в каюту, предоставляя Альфреду заканчивать работу в одиночестве. И Альфред заканчивал ее. Как бы ни гудели ноги, как бы ни болела спина и как бы ни хотелось спать, он продолжал препарировать — аккуратно, не повреждая ни одно перышко, снимать шкурки и натирать их изнутри мышьяковым мылом, чтоб они дольше сохранялись. Он очень хорошо помнил слова отца: каждая испорченная шкурка — это напрасно убитая птица. А убивать напрасно животных не только жестоко, но и преступно.

На всю жизнь запомнил Альфред случай, который произошел, когда ему было девять лет. Он долго выслеживал огромного филина, и когда принес наконец домой свой трофей, было уже очень поздно.

Отдав филина отцу, Альфред направился в спальню — утром надо было идти в школу, а занятия начинались рано. Но отец остановил его. Он сказал, что к тому времени, когда Альфред вернется из школы, тушка филина может испортиться. И дело не в том, что Альфред потратил много сил, выслеживая эту птицу, а в самой птице… Альфред сразу понял отца. И хоть от усталости дрожали руки, хоть слипались глаза, Альфред аккуратно снял шкурку и сделал все, чтоб сохранить ее.

Может быть, отец схитрил: ведь дело происходило осенью, и тушка филина вполне могла пролежать сутки. Но если Альфред тогда не усомнился в необходимости довести дело до конца, то здесь, в Африке, под палящими лучами солнца, он не мог поступать иначе.

Иногда при слабом свете фонаря Альфред работал до рассвета. А утром снова с удовольствием отправлялся на берег.

Правда, на берег Альфред стремился не только потому, что

там чуть ли не на каждом шагу встречались неизвестные или малознакомые ему птицы. Его все больше и больше угнетало присутствие «святых отцов». Один постоянно изводил его своими проповедями и поучениями, другой раздражал своей глупостью, жадностью, трусливостью, третий возмущал нетерпимостью к «иноверцам». На барке они буквально преследовали Брема, и, только оказавшись на берегу, Альфред испытывал облегчение.

Но однажды, отправившись на берег, Брем увидел, что священнослужители последовали его примеру. Мало того — в руках «святых отцов» были ружья. Альфред не знал, что изнывающие на барке от скуки монахи решили поразвлечься стрельбой.

Надолго запомнил Альфред это ужасное утро — утро «развлечения» священнослужителей, — они палили по всему, что мало-мальски двигалось или издавало хоть какие-то звуки.

И Альфред не выдержал:

— Что вы делаете, святые отцы?

Монахи, как по команде, опустили ружья и повернулись к Альфреду. В наступившей тишине было слышно, как неподалеку в кустах в предсмертной агонии бьется большая птица, как стонет раненная неудачным выстрелом другая, упавшая в заросли тростника.

Альфред понимал, что слишком молод, чтоб вступать в спор с этими людьми, к тому же лицами духовными. Но он все-таки не мог сдержаться:

— Что вы делаете, святые отцы? Почему вы убиваете этих птиц? Зачем вам это?

— Но ведь вы тоже убиваете их! — начал было патер Петремонте.

— Да, к сожалению, коллекционирование в естествознании почти всегда связано с убийством. Но это необходимо. Во имя науки, во имя просвещения…

— Мы убиваем лишь тогда, когда угодно господу богу, — ровным, глухим голосом произнес другой монах — Рилло.

Альфред резко повернулся к нему. Сухое желтое лицо монаха было бесстрастно, но в глазах светилась такая жестокость, такая злоба, что Альфред понял: никакими словами, никакими доводами не убедить этого человека.

Он повернулся и пошел прочь. Но еще долго слышал он грохот выстрелов и отчетливо представлял себе окровавленные тушки птиц, валяющиеся на траве, застрявшие в ветках кустарника, затерявшиеся в зарослях камыша. Они не нужны были монахам — им важно было выстрелить, убить…

В этот день — первый изо всех охотничьих дней Брема в

Африке — охота была неудачной. Альфред никак не мог сосредоточиться, ему в этот день совсем не хотелось стрелять.

Хартум

Узкие, кривые улицы, иногда такие запутанные, что напоминали лабиринт, одноэтажные без окон дома, жара, зловоние — таким представился Хартум Альфреду и его спутникам. О, как этот город был не похож на покинутый им сравнительно недавно Каир!

Центром общественной жизни, как и во всех мусульманских городах, был базар. Здесь находилась мечеть и несколько самостоятельных рынков: хлебный, овощной, сенной, табачный. Был тут специальный рынок, где продавали сало, и рынок, где торговали разнообразными тканями. С утра и до вечера толпился на этих рынках народ, покупая и продавая и просто глазея на происходящее. И ни продавцов, ни покупателей, ни зевак нисколько не смущала господствовавшая над всем базаром виселица, на которой постоянно висел труп казненного. Его снимали лишь для того, чтоб повесить очередного преступника или какого-нибудь несчастного, объявленного преступником.

Но были в Хартуме и прелестные уголки — и Альфред скоро разыскал их. Это сады на берегу Голубого Нила. Некоторые сады были настолько велики, что в них выращивали овощи, даже сеяли хлеб.

Впрочем, если бы в Хартуме не было этих садов, если бы город был во много раз грязнее и беднее, Брем все равно радовался бы, что попал наконец сюда. И не только потому, что Хартум стоит почти у слияния двух рек — Голубого и Белого Нила, и одно это уже привлекает путешественников. Вокруг Хартума — столицы Судана — лежали еще совершенно не исследованные естествоиспытателями огромные области, населенные неизвестными животными. Это влекло к себе Брема, ради этого он покинул родину, проплыл сотни километров вверх по Нилу, ради этого проделал он тяжелый и опасный путь.

Давно уже распростились Брем и Мюллер с монахами, оставшимися в одном из городков на Ниле, давно уже рассчитались они с рейсом — хозяином барки и, погрузив свой багаж на верблюдов, направились в Хартум через пустыню.

Поначалу пустыня, как и все новое в этой стране, поразила Альфреда. Особенно ночь в пустыне, когда воздух чист и

прозрачен и огромные ясные звезды сияют вечным светом в черном небе. Тишина какая-то удивительная, торжественная тишина. Непроглядная чернота в нескольких шагах от костра. И расположившиеся большим полукружьем верблюды, в блестящих глазах которых отражаются маленькие огоньки от костра.

В эти минуты Альфред готов был поклясться, что ничего прекраснее и величественнее, чем пустыня, он не видел и, очевидно, никогда не увидит.

Но вот наступило утро, багрово-красное солнце встало над безоблачным горизонтом, и палящий зной обрушился на путешественников. Ни деревца, ни скалы, ничего, что дало бы хоть крошечную тень, где можно было бы отдохнуть от палящих лучей. Лишь песок, раскаленный и излучающий жар, песок — насколько хватает глаз. Прокаленный неподвижный воздух трепещет от зноя — ни ветерка, ни дуновенья. Впрочем, это счастье, когда нет ветра — такой же жаркий, как все вокруг, он несет смертельную опасность; может высушить бурдюки — кожаные мешки с водой, без которой путника ждет верная гибель.

Брем очень страдал от жары. И хоть он по-прежнему восторгался ночной пустыней, днем она казалась ему отнюдь не такой привлекательной. Но самое страшное ждало Альфреда и его спутников впереди.

Это случилось на пятый или шестой день пути. На небе появились тучи, и Брем почувствовал: что-то должно произойти. Впрочем, погонщики верблюдов почувствовали приближение опасности гораздо раньше. Почувствовали это и животные — они стали нервничать, плохо слушаться погонщиков, быстрее уставать. К концу пятого дня путешествия по пустыне верблюды настолько выбились из сил, что еле переставляли ноги. Но погонщики против обыкновения не остановили караван, не сняли с животных тяжелые тюки, а продолжали гнать верблюдов вперед. На исходе шестого дня небо окончательно затянуло тучами, густой, непроницаемый туман заволок всю пустыню. Духота, которая усиливалась с каждым часом, казалось, достигла предела. Но к утру она стала еще нестерпимее. Впрочем, о том, что наступило утро, можно было узнать с трудом: солнце не могло пробиться сквозь еще более сгустившийся туман, и в полдень над пустыней царили сумерки. Однако ветра пока не было. Погонщики торопились воспользоваться этим, пристраивая самое ценное — мешки с водой — рядом с лежащими верблюдами так, чтоб эти мешки были защищены от южного или юго-западного ветра телами животных. Пристроив воду, они, плотно завернувшись в свои плащи, сами улеглись за тюками и ящиками, снятыми с верблюдов. И вот налетел первый порыв

жаркого, раскаленного ветра. В то же мгновенье мириады песчинок взвились в воздух, окрасив все вокруг в желто-оранжевый цвет. Так начался ураган — самум, что в переводе значит «пышущий ядом». Через секунду уже все кругом вертелось с бешеной скоростью, все было заполнено взвившимся песком. И вдруг среди этой бешеной пляски поднялся огромный столб, второй, третий… Они крутились, стремясь вперед с неимоверной скоростью, то подпрыгивая, то изгибаясь, то вдруг падая и превращаясь в холмы. А на смену им поднимались новые и тоже неслись по пустыне в дикой пляске. И горе тому каравану, который окажется на пути этих песчаных столбов! Но если столбы песка и пронесутся мимо — все равно плохо людям и животным. Мельчайшие острые песчинки проникают сквозь одежду, и все тело начинает гореть, губы трескаются от жары, любая царапина, любая ранка начинает кровоточить и доставлять человеку страдания. Голова болит так, что люди нередко теряют сознание, руки и ноги отекают, страшная жажда не покидает человека ни на мгновенье. А ко всему этому примешивается чувство страха за воду — если ветер хоть чуть-чуть коснется кожаных мешков, они треснут, и вода моментально испарится.

И тогда пережившие самум будут завидовать тем, кто умер, не выдержав этой бури: по крайней мере они умерли быстро и им не суждено погибнуть медленной мучительной смертью.

Альфред видел полузанесенные песком скелеты людей и животных и знал: это останки тех, кто потерял воду. И где гарантия, что и его скелет не будет покоиться здесь, в бескрайних песках пустыни Бахуиды?

К счастью, все обошлось благополучно, и караван снова зашагал по раскаленному песку, под палящим солнцем. Но погонщики тревожно поглядывали на небо — пустыня коварна, и кто знает, что произойдет через день или два? И благополучно ли для путешественников окончится новый ураган?

Вот почему так обрадовался Альфред, когда увидел первые лачуги Хартума. Он понял, что триста километров раскаленного песка и палящего солнца, триста километров, где каждую минуту может налететь «пышущий ядом» ветер, остались позади. Здесь была тень, здесь была вода. Здесь можно было встретить и европейцев, по которым так стосковались барон и Альфред.

О, как счастлив был Альфред, когда на следующий же вечер в доме доктора Пеннэ, где они поначалу остановились, собрались жившие в Хартуме европейцы. Как горели его глаза, когда слушал он споры о том, что происходит в Европе, — в Хартум приходили французские газеты (правда, с опозданием на месяц), и все общество прочитывало их до последней строки. И конечно,

собираясь чуть ли не каждый вечер, обсуждали новости, спорили, иногда до хрипоты. Как весело подпевал Альфред, когда, прекратив споры о политике, кто-нибудь брал гитару и ночной Хартум оглашался звуками итальянских, французских, немецких и английских песен. В эти вечера Альфред готов был каждому из них открыть свое сердце, поклясться в вечной дружбе, выполнить любую просьбу своих новых знакомых.

Милый доктор Пеннэ! Как рассердился Альфред, когда добрый старик предупредил, чтобы он не слишком доверял этим людям. И как скоро убедился Альфред, что доктор был прав: днем это были совершенно другие люди, в них трудно было узнать тех, кто накануне вечером распевал «Марсельезу», спорил о республике, пел веселые итальянские песенки, читал стихи.

Альфред был молод, очень молод. Он еще не умел разбираться в людях, у него не было жизненного опыта. И тем не менее он очень скоро понял: здесь, в Хартуме, собрались негодяи, плуты, мошенники, убийцы, которые у себя на родине не избежали бы тюрьмы.

Он записал это в своем дневнике и дважды подчеркнул написанное. Ну хорошо, понял, записал. А что же дальше? Барон собирается на какое-то время задержаться в Хартуме. Его, видимо, устраивает это общество. Но Альфред больше не хочет, не может видеть этих людей. Что же делать?

Единственный человек, с которым он мог поделиться своими мыслями, был доктор Пеннэ. Он понял Альфреда с полуслова. И сразу дал ему совет: попытать охотничье счастье в окрестностях Хартума, пока барон уладит дела в городе и экспедиция двинется дальше.

Птицы

— Я вами недоволен, Альфред, — барон отодвинул от себя птичьи шкурки и посмотрел на стоящего перед ним Брема.

Мюллер ждал, что его секретарь начнет оправдываться, придумает какие-то объяснения.

Но Альфред молчал.

— Я вами недоволен, Брем, — снова, но уже громче повторил барон, — за столько дней всего сто тридцать шкурок! — Барон прошелся по комнате, постоял у окна, все еще ожидая, что его секретарь что-нибудь ответит. Однако Альфред продолжал молчать.

Барон резко повернулся, сделал шаг в сторону Брема и вдруг остановился, пораженный: перед ним стоял не тот наивный и восторженный, готовый на все юноша, которого немногим меньше года назад пригласил барон Мюллер в качестве своего секретаря. Перед ним стоял повзрослевший человек с бронзовым от загара лицом, на котором особенно ясно выделялись серые глаза. Сейчас в них светилось с трудом сдерживаемое бешенство.

Мюллер окончательно вышел из себя. Он стал кричать, что Брем забыл, кто он и зачем находится здесь, забыл, что его пригласили не на прогулку, а для работы, что он не ценит доброго к себе отношения…

— Я теперь понимаю, господин барон, — голос Альфреда дрожал от гнева, — как различны наши цели. Вас интересует количество добытых шкурок, меня интересует научное коллекционирование. А старания коллектора или естествоиспытателя редко бывают признаны. Если бы наука сама не влекла к себе непреодолимо, если бы она не вознаграждала преданных ей наслаждением служить истине, высокому, я с этой минуты не стал бы делать ни одного наблюдения, не добыл бы больше ни одного животного… — Альфред повернулся и решительно вышел из комнаты.

Он хотел добавить, что, возможно, лишил бы себя тем самым счастья, потому что с каждым днем он больше и больше убеждался, что все невзгоды путешествия, все трудности и неприятности с избытком вознаграждаются. Но разве Мюллер поймет?

Сто тридцать птичьих шкурок, которые привез Альфред в Хартум, — это, конечно, немного, если учесть, как богата фауна в окрестностях города. Но и эти сто тридцать шкурок достались Альфреду нелегко: немало дней он провалялся в палатке в лихорадочном бреду, без лекарств, без всякой помощи. А когда вставал — был так слаб, что с трудом мог держать ружье и, прежде чем выстрелить, долго целился. А иногда даже не пытался выстрелить, а лишь стоял и смотрел на удивительных птиц, разгуливающих, плавающих, стоящих или бегающих совсем неподалеку. Правда, Альфред знал, что, хорошо прицелившись, даже сейчас попадет в любую из них. Но он представлял себе, что произойдет на берегу или на воде реки после выстрела, сколько пройдет времени, пока снова наступит спокойствие в этом прекрасном птичьем царстве. И ему не хотелось стрелять.

Особенно долго любовался Альфред длинноногими, выстроившимися рядами, как на параде, огненными фламинго. В Европе шкурки и чучела этих удивительных по своей красоте птиц стоили немалых денег, а здесь, в окрестностях Хартума,

фламинго было великое множество. Однако охота на них была нелегкой: чуткие и осторожные птицы не очень-то подпускали к себе охотника. Но, даже подобравшись к ним, трудно было рассчитывать на многое — после первого выстрела птицы дружно снимались с места и улетали. Правда, один араб рассказал Брему о своеобразном способе охоты на фламинго, когда за одну ночь можно добыть несколько десятков таких птиц. Для этого надо очень тихо подобраться к птице-сторожу, охраняющему сон своих товарищей, нырнуть и под водой подплыть к нему. Затем быстро схватить сторожа за шею, так чтоб птица не успела подать сигнал опасности, опустить под воду и переломить под водой шею пополам. А потом быстро хватать спящих и ничего не подозревающих птиц.

Возможно, это была и не очень трудная и очень добычливая охота, но Альфред категорически отказался от нее: ему была противна даже сама мысль о том, чтоб подобраться к спящим птицам, переломить руками шею сторожа… Нет! Он охотник, коллекционер, естествоиспытатель, но не промышленник!

Если бы барон знал, как араб уговаривал Брема устроить ночную облаву на фламинго и как Брем категорически отказался, он еще и не так бы разбушевался. Но барон не знал этого, как не знал и многого другого.

Даже когда они охотились вместе, барон в пылу охотничьего азарта не замечал, как иногда, быстро вскинув ружье, Альфред через несколько мгновений осторожно опускал его, не выстрелив, хотя птица была совсем близко. Но Брем опускал ружье вовсе не потому, что не уверен был в своем выстреле. Он просто не мог заставить себя выстрелить, например, в огненно-пурпуровую птичку с бархатисто-черной грудкой. За эту окраску перьев и особый их блеск птичку назвали огненным зябликом. Брем видел огромные стаи этих птиц, но когда зяблик, действительно похожий на маленький трепещущий огонек, усаживался на верхушке какого-нибудь кустика и распевал свою незатейливую песенку, Альфред опускал ружье.

Конечно, он стрелял в птиц, чтоб привезти в Европу шкурки и чучела. Но гораздо важнее считал он наблюдения за живыми птицами. И наблюдатель часто брал верх над охотником-коллектором: Альфред подолгу стоял неподвижно, наблюдая за поведением птицы, стараясь запомнить ее повадки, понять ее «характер» и поведение. Не раз и не два — десятки раз наблюдал он за одной и той же птицей, делал затем записи в дневнике, не подозревая еще о том, как эти наблюдения и эти записи в дневнике пригодятся ему потом, когда он начнет работать над книгами.

Но тогда Альфред не думал о книгах — перед ним были живые птицы. И они всюду и постоянно приковывали его внимание. Даже в пустыне, где после самума Альфред чувствовал себя совершенно разбитым, он не мог упустить возможности и не понаблюдать за длинноногой желто-песочной птичкой с серо-синей яркой «шапочкой» на голове. Глядя на то, как стремительно мчится эта птичка, кстати, так и прозванная бегуном, по песку пустыни, как молниеносно взвивается в воздух и снова опускается на землю, чтоб поискать еду, Брем забывал и о головной боли, и о постоянно мучившей его жажде. И уж совершенно счастлив был Альфред, когда в его палатку залетела крошечная тоже желто-песочного цвета овсяночка. Покрутившись вокруг людей, попрыгав у самых ног Альфреда, она разыскала крошки хлеба, нисколько не смущаясь присутствием человека, склевала их и, вылетев из палатки, уселась неподалеку на голой каменной скале.

Нет, не знал, даже не догадывался барон Мюллер, какие чувства вызывали птицы в душе его молодого помощника. А Альфред и не пытался посвящать барона во все это — разве поймет он? Ну как объяснить, например, барону, почему птица марабу вызывает у него такое особое чувство?

Для барона это интересный объект для охоты: шкурки марабу можно выгодно продать в Европе. А для Альфреда эта птица связана со всей его жизнью. Сколько он помнил себя, помнил он и марабу, большого, важного, неподвижно стоящего в углу отцовского кабинета.

Сначала маленький Альфред боялся его, потом привык и, каждый раз, приходя в кабинет отца, с интересом рассматривал чучело. А потом полюбил его, полюбил настолько, что, уехав учиться в Альтенбург, часто видел марабу во сне. И вот Альфред увидал эту птицу здесь, живую, бегающую, смешную и важную. Не раз, глядя на чучело в отцовском кабинете, он пытался представить себе, как ходит марабу, как летает. И, увидав теперь все это, очень обрадовался, что его представления оказались довольно точны.

Человеку, впервые видящему эту птицу, она может показаться если не безобразной, то, во всяком случае, некрасивой. Большой зоб, длинный клюв. А издали она похожа на человека, одетого в голубой фрак, белую жилетку и белые панталоны. Сходство с человеком усиливает и способность марабу так втягивать шею, что его голова, увенчанная красной шапочкой, подобно человеческой, сидит на плечах.

Марабу смешон в своей важности, величии и абсолютном спокойствии. При виде человека марабу не удирает от него сломя

голову, а не торопясь отходит на безопасное расстояние. Альфред много раз проделывал такой опыт: увидев марабу, он направлялся в его сторону. И тотчас же марабу начинал шагать прочь. Не бежать, а именно шагать, временами оглядываясь, прикидывая расстояние между собой и человеком и строго соблюдая дистанцию. Стоило Брему остановиться — останавливался как ни в чем не бывало и марабу, стоило побежать — бежала и птица. Марабу редко подпускал охотника на расстояние выстрела. Это злило барона и радовало Альфреда, хотя он старался не показывать этой радости. Мюллеру непонятна была эта радость, как не мог он понять и многого другого в поведении своего помощника. Например, его отношение к ибисам. Барон видел в этой птице лишь объект охоты, Альфред — еще и многое другое.

Он знал, как высоко чтили древние египтяне ибиса, возвещавшего народу, что начался разлив Нила — именно тогда прилетала эта птица с верховьев реки, где гнездилась. Древние египтяне считали: появление птицы свидетельствует о том, что бог не забыл египтян, что он снова пришлет воду на истомленную жаждой землю. А раз птица посланник бога, то и сама она — божество. И всячески берегли и охраняли ибисов, а погибших птиц бальзамировали и хоронили с почестями. Кто знает, может быть, древним египтянам было известно и то, что ибис не только посланец божества, но и добрый работник? Ведь к моменту прилета ибисов оживают бесчисленные насекомые, в особенности «бич божий» — саранча. И ибисы целые дни, с рассвета до заката, проводят на полях, уничтожая огромное количество опасных вредителей.

Альфред знал, что птицы эти, если их не преследовать, очень доверчивы, не боятся человека и легко привыкают к нему. Впрочем, это он знал по собственному опыту — пять молодых ибисов жили у него и были настолько ручными, что, умея прекрасно летать и совершая полеты над двором, неизменно возвращались.

Ибисы бегали за Альфредом, как собачонки, а увидав, что в столовую несут тарелки, немедленно отправлялись вслед и ласкались к людям до тех пор, пока не получали что-нибудь со стола.

Ну мог ли Брем стрелять в этих птиц?

А как радовался Альфред, встречая в Африке своих крылатых земляков — ласточку, летавшую стрелой над полями, медлительную перепелку, которая выкликивала такую знакомую Альфреду с детства песню в гуще хлебных колосьев. С каким удовольствием и любопытством наблюдал он за беспокойными движениями и предусмотрительными проволочками птиц,

собирающихся домой. С восхищением прислушивался к пению полевой славки, запрятавшейся в зеленый куст, или за гордым полетом царственного орла. Ему так и казалось, что все эти птицы, летящие на родину, унесут с собой его привет. Ведь вид их был так знаком, так дорог Альфреду. Ему казалось, что тот скворец, которого он видел сидящим на спине буйвола и распевающим свои песенки, прилетел сюда из его родного Рентендорфа, а ласточка, пролетевшая над ним, блестя черно-зеленым крылом, совьет свое гнездо в одном из домов его родной деревни.

Часами задумчиво бродил Альфред по лесам, по берегу реки, наблюдая за птицами, — ему одинаково дорог был и незнакомый седлоклювый аист, прозванный так потому, что на задней части клюва у него есть возвышение, напоминающее по форме седло, и знакомые козодои, грачи, цапли, прилетевшие из Европы.

В такие дни барон был очень недоволен своим помощником. Но Альфред уже не обращал внимания на недовольство Мюллера.

Предательство барона Мюллера

Австрийский консул — единственный дипломат в Хартуме, представляющий в Судане интересы всех европейских держав, встретил Альфреда как всегда приветливо, и как всегда на столе появились чашки ароматного кофе, как всегда слуга принес дымящиеся чубуки, и как всегда на немой вопрос Брема консул развел руками: писем от барона Мюллера не было. Вот уже четвертый месяц…

Альфред пил кофе медленно — ему не хотелось уходить. Консул понимал это — он очень хорошо знал историю экспедиции барона Мюллера и от всей души сочувствовал Брему. Но ничем не мог помочь ему.

Разве что молча посочувствовать и оставить для него открытыми двери своего дома — консул знал, что в Хартуме немного домов, куда заходил молодой путешественник, где он мог рассчитывать на откровенность и дружеское участие.

Из Хартума барон и Брем совершили не очень удачное путешествие в малоизвестную страну Кордофан. Альфред много ждал от этой поездки — ведь ни один натуралист еще не бывал в тех местах. Но Мюллер из-за своего невыносимого характера, по сути дела, провалил экспедицию. Сначала он умудрился поссориться со своими спутниками, потом с проводником и,

наконец, так восстановил против себя местных жителей, что они чуть не растерзали участников экспедиции.

Вернувшись в Хартум, барон вдруг заявил, что все предыдущие поездки, в том числе и его поездка в Алжир и Марокко, — это все лишь начало осуществления того плана, который он наметил. Новая экспедиция будет настолько грандиозна, что потрясет весь ученый мир!

С лихорадочно горящими глазами барон развивал перед Бремом свои планы. Они пройдут весь Африканский материк, побывают там, где не ступала нога человека, откроют десятки, сотни неизвестных науке животных! Захлебываясь собственным красноречием, увлекаясь все больше и больше, барон и сам, видимо, верил в возможность осуществления этих планов. И хоть более трезвый Альфред понимал всю трудность и даже нереальность этих планов, ему тоже хотелось верить, что все будет так, как задумал барон.

Они вернулись в Каир, затем в Александрию: барон объявил, что ему необходимо на некоторое время вернуться в Европу. Что ж, это правильно — для новой экспедиции нужны деньги, оборудование, нужны, наконец, надежные спутники и специалисты. Обо всем этом барон должен позаботиться в Европе. К тому же надо было отвезти в Европу ценнейшие коллекции, собранные Альфредом и бароном.

10 февраля 1849 года Мюллер погрузил свое имущество и коллекции на красивый пароход «Шильд» и крепко обнял своего секретаря и помощника. Кто знает, о чем думал тогда барон?! Альфреду же было грустно. Конечно, барон был часто несправедлив, его дурной, вспыльчивый характер мешал не только их дружбе — мешал делу: но ведь с Мюллером он покинул родину, с ним на протяжении почти двух лет делил все тяготы путешествия и пребывания на чужбине, с ним он жил в одной палатке и пил из одной чашки. Если бы знал Альфред, что больше никогда не увидит барона здесь, возможно, он тоже стоял бы в эту минуту на палубе «Шильда». Но он стоял на берегу, следя за тем, как «Шильд», увозящий барона к родным берегам, исчезает за горизонтом. Однако в эти минуты у Брема не было никаких сомнений, что Мюллер вернется, что он осуществит или, во всяком случае, попытается осуществить задуманное. Ведь не напрасно же он категорически потребовал от Альфреда продумать все детали предстоящей экспедиции и подготовить смету расходов на нее. Во время путешествия по Африке барон не раз рассказывал Альфреду о своем колоссальном богатстве, о том, что решил посвятить свою жизнь исследованию Африки или в крайнем случае считал это главным делом своей жизни.

О том, что барон твердо решил организовать новую экспедицию, свидетельствовали и его письма, которые он писал Альфреду в Александрию в первые месяцы пребывания в Европе, и «Отчет о некоторых замечательных моментах ученого путешествия по Африке, предпринятого И. В. бароном фон Мюллером», напечатанный в апрельской книжке заседаний императорской Академии наук за 1849 год.

Но постепенно письма от барона стали приходить все реже и реже. Наконец прекратились совсем. И вдруг — снова письмо с сообщением о том, что в состав экспедиции вошел старший брат Альфреда Оскар, что он скоро приедет и привезет деньги и оборудование, необходимые для экспедиции.

Да, 19 ноября 1849 года, когда он крепко обнял своего брата, пожалуй, был самым счастливым днем Альфреда в Африке. Радость не омрачило то, что барон остался в Европе, не омрачило даже то, что вместо необходимой суммы он прислал лишь третью часть, а снаряжения и того меньше. Альфред готов был двинуться в путь немедленно. Тем более что вслед за Оскаром в Африку прибыло письмо барона, в котором «выражается определенное желание, чтоб экспедиция началась и ее члены отправились в глубь Африки, не теряя времени и не ожидая ничего из Европы».

«Какие бы ни были причины, на основании которых вы требуете денег, — писал барон, — я теперь их вам не вышлю; но требую непременно, чтоб вы сейчас же выезжали в Судан с тем, что у вас есть…»

Совещание было коротким. Все: Альфред, и Оскар, и присоединившийся к ним врач Рихард Фирталер — верили, что необходимые деньги и снаряжение барон пришлет. Что же касается его требований, — они справедливы: времени терять не следует. И двадцатитрехлетний Альфред Брем возглавил экспедицию.

Оскар, как и многие европейцы, попав в Африку, сразу заболел малярией. Однако, едва поправившись, он готов был отправиться в путь. И, несмотря на слабость, сразу же начал свою охоту за насекомыми. Для него, энтомолога, здесь оказался непочатый край работы: насекомые Африки были тогда совершенно не изучены.

Бедный Оскар! Как он радовался своим находкам, как любовно и тщательно собирал коллекцию жуков. Сейчас песок уже, наверное, совершенно занес маленький могильный холмик на берегу Нила, где покоятся останки Оскара Брема, — он утонул буквально на глазах Альфреда.

Несмотря на страшное горе, Альфред нашел в себе силы довести экспедицию до Хартума. Здесь он надеялся получить

деньги и снаряжение, которое было обещано бароном. Но не было ни того, ни другого. Не было даже писем. Сначала Альфред надеялся, что в Хартуме повторится то же, что было в Александрии, — после трехмесячного перерыва Мюллер все-таки прислал письма, инструкции и даже деньги.

Но проходили дни, недели, месяцы. Барон Мюллер молчал.

…Альфред поблагодарил консула и вышел на улицу. И тотчас же молодая львица, лежащая в тени дома, радостно бросилась к нему, пытаясь лизнуть Альфреда в лицо. Она радовалась так, будто не видела хозяина целую вечность, хотя пробыл он у консула не больше получаса.

— Успокойся, Бахида, — тихо сказал Альфред, и львица, сразу почувствовав настроение хозяина, стихла. Низко опустив голову, она пошла рядом, внимательно поглядывая вокруг умными зелеными глазами. Альфред погладил ее, и львица благодарно подняла голову, заглянув в глаза хозяину. Вот уже несколько месяцев живет у него Бахида, и Альфред часто думает, насколько труднее, тоскливее было бы ему здесь без этого доброго, умного, ласкового зверя.

Ему подарили ее совсем крошечной, а сейчас это могучий красивый зверь. Но львица осталась такой же ласковой и совершенно ручной. Днем ходит за хозяином, как собака, а на ночь пристраивается на его постели в ногах. И хоть часто Альфреду бывает очень неудобно спать, ему и в голову не приходит прогнать Бахиду.

— Ты настоящий друг, Бахида, — снова тихо сказал Альфред и опять погладил львицу. Она приподняла уши, прислушиваясь к голосу хозяина, посмотрела на него снизу вверх, и Альфреду показалось, что она качнула головой в знак согласия.

Да, Альфред знал, насколько этот зверь был преданнее, благороднее, честнее тех европейцев, которые окружали его тут, в Хартуме. Эти люди с радостью уморили бы его голодом и с удовольствием поделили бы его имущество. Лишь благородный доктор Пеннэ да австрийский консул были его друзьями. А остальные… Впрочем, остальные так же легко и с таким же удовольствием перегрызли бы глотки друг другу. Ведь каждый стоит один другого. Итальянец Ролле избил своего слугу-невольника так, что тот умер от побоев; аптекарь Лумелло — всем известно — по поручению какого-то врача отравил нескольких больных, добавив в лекарство яд. Никола Уливи — пожалуй, главный негодяй: убийца, мошенник, самый крупный в Судане торговец невольниками. Жестокость его не имеет предела — даже собственная дочь Уливи вынуждена была у губернатора просить защиты от издевательств отца…

Задумавшись, Альфред дошел почти до самого дома, когда его догнал запыхавшийся слуга консула и сказал, что консул просит господина Брема вернуться.

Консул встретил Альфреда в дверях.

— Только что я получил сообщение, которое должно заинтересовать вас, господин Брем, — сказал он, беря Альфреда под руку и провожая в комнату.

Затем консул подошел к столу, взял распечатанный конверт и протянул Брему. Это было письмо от одного из друзей консула, в котором тот писал, между прочим, что барон Мюллер разорился.

Несколько минут Альфред сидел неподвижно, и обрывки воспоминаний вихрем проносились в голове. Он вспомнил безудержные кутежи барона, которые тот устраивал, вспомнил азартную игру в карты, когда за один вечер Мюллер проигрывал огромные суммы. Может быть, и теперь произошло что-то подобное? Вполне вероятно. Но как же мог барон не подумать о судьбах людей, которых он послал в Африку и которые теперь остались тут безо всяких средств?

Из задумчивости Альфреда вывел голос консула:

— Вам надо немедленно найти средства и отправиться в Европу.

Брем быстро встал. Он вдруг почувствовал, что в нем что-то мгновенно изменилось — будто слетело оцепенение, в котором он жил последние месяцы.

Решение

Брем шел очень быстро, и Бахида, бежавшая легкой рысцой, едва поспевала за ним.

Они вошли во двор дома, где жили, и Альфред хотел немедленно пройти в комнату, но дорогу ему преградил разгуливавший по двору марабу. И тотчас же подскочили к нему два страусенка, громко хлопая крыльями, подбежали ибисы. Маленькая газель вытянула голову и терлась носом о плечо Брема. А еще через секунду с громким криком спрыгнул откуда-то сверху молодой павиан и принялся разгонять обступивших Брема животных. В другое время они, конечно, разбежались бы — драчливого павиана Перро побаивались все. Но сейчас животные будто чувствовали настроение хозяина и почти не обращали внимания на толчки, шлепки и щипки обезьяны.

За невысоким забором, разделявшим двор на две половины,

мелькнула рыжая борода аптекаря Лумелло. Брем резко повернулся в сторону забора, но аптекаря уже не было. Возможно, он спрятался, возможно, помчался к какому-нибудь приятелю, чтоб рассказать об очередном «сговоре» Брема с животными и еще раз подтвердить: да, этот молодой немец — настоящий колдун!

Брем знал, что многие в Хартуме считают его колдуном, за ним даже укрепилась эта кличка. Причиной тому было умение «ладить» с животными, способность приручать их. Брем любил животных, животные любили своего хозяина, и вот эта, казалось бы, самая простая истина вызывала недоумение у многих европейцев, живших тут. Как — любить птиц и обезьян? Отдавать им все свободное время, тратить на них свои и без того скудные средства? Этого они не могли понять!

Да и где им понять, этим людям, ненавидящим все на свете, кроме самих себя, что можно любить животных, испытывать радость от общения с ними и вызывать у них ответную любовь?!

Брем усмехнулся, представив себе, как аптекарь, тряся рыжей бородой, рассказывает сейчас кому-нибудь об очередном «колдовстве» своего постояльца. Ну что ж, пусть рассказывает — это единственное, что ему сейчас остается.

А ведь если бы Альфред не принял мер предосторожности, вряд ли дело ограничилось лишь распусканием слухов и подглядыванием. Так случилось, что Брем вынужден был поселиться у аптекаря, сняв за баснословную для тех мест цену «павильон», — небольшое строение, «нечто вроде собачьей конуры», как шутил Альфред. Но другого выхода не было — у доктора Пеннэ, где Альфред сначала поселился, было слишком мало места, к тому же начинался период дождей и животным срочно требовалось какое-то помещение. Павильон же, который сдавал Лумелло, вполне подходил и животным и их хозяину, не очень-то заботившемуся о своих удобствах. Немаловажным обстоятельством было и то, что вокруг этого павильона имелся сад и довольно большой двор.

Доктор Пеннэ отговаривал Брема, да и Брем сам понимал, что с Лумелло связываться опасно, но ничего более или менее подходящего в Хартуме найти было нельзя.

Сдавая помещение, Лумелло был любезен до крайности, но, получив деньги за четыре месяца вперед, сразу же изменился. Видимо, аптекарь рассудил так: если своим враждебным отношением к постояльцу вынудить его покинуть снятое помещение, то можно будет это же помещение (не возвращая денег Брему) сдать еще раз кому-нибудь. Альфред знал, что аптекарь ради денег не остановится ни перед чем: если не удастся выжить Брема придирками и скандалами, клеветой и мелкими

пакостями, он пойдет дальше. И кто знает, не постигнет ли Альфреда судьба тех больных, которых Лумелло отправил на тот свет, — в Хартуме за деньги можно было легко найти наемных убийц. Лумелло был одним из них.

Брем пытался поговорить с домохозяином, но тщетно: слова не действовали на Лумелло, и его враждебные действия принимали все более откровенный и резкий характер.

И тогда Альфред решил использовать последнее средство и, пожалуй, единственное, которое может подействовать на аптекаря.

Однажды, когда аптекарь вдруг неожиданно запер сад, в котором, по условиям договора о найме квартиры, должны были находиться животные Брема, Альфред в сопровождении слуги вошел в комнату Лумелло. Лицемерный аптекарь быстро вскочил с дивана, на котором полулежал, и встретил гостей самым любезным образом.

— Добро пожаловать, — расплылся он в улыбке, — садитесь сюда, пожалуйста, тут вам будет удобнее.

Брем сделал несколько шагов, но не сел, а остался стоять посреди комнаты.

— Спасибо, господин Лумелло, но я пришел не сидеть, а поговорить с вами кое о чем. Знаете, господин Лумелло, я ожидаю, что вы меня отравите.

Аптекарь подскочил как ужаленный, но Альфред повелительным жестом заставил его сесть на место и продолжал:

— Не прерывайте меня, господин Лумелло! Я знаю, что вы отравили нескольких людей…

— Это ложь! Это клевета! — закричал аптекарь, но Брем снова сделал повелительный жест, и было в этом жесте что-то такое, что заставило аптекаря замолчать.

— Пожалуйста, не горячитесь напрасно, господин Лумелло, я пришел не для того, чтоб судить вас. Я пришел для того, чтоб сказать: если вы попытаетесь проделать нечто подобное со мной, если я только заподозрю, что принял яд, тотчас же застрелю вас, — и Альфред положил руки на торчащий из-за пояса пистолет. — Если же я все-таки не успею этого сделать… — Альфред повернулся к неподвижно стоящему у дверей слуге, — Ара-Али, скажи, что ты сделаешь, если господин Лумелло отравит меня?

— Клянусь, что я застрелю тебя, если ты что-нибудь сделаешь моему господину, — Ара-Али смотрел на аптекаря горящим немигающим взглядом, — я и сейчас могу застрелить тебя, если господин прикажет!

— Вот видите, господин Лумелло, со мной шутить нельзя. До

свидания, сеньор!

На другой день Лумелло носился по всему Хартуму, рассказывая, что сумасшедший немец хотел его застрелить. Но Брема это не беспокоило — главное, теперь он был уверен: аптекарь оставит его в покое.

Лумелло действительно стал избегать Брема, прекратил делать ему пакости, хотя по-прежнему подглядывал за ним и распускал всевозможные слухи. Если бы Лумелло знал, что за известие получил сейчас Альфред, как затряслась бы от радости его рыжая борода, с каким упоением сообщал бы он всем знакомым о трудном положении Брема!

Но, к счастью, Лумелло пока ничего не знал. Однако от этого Альфреду было не легче. Черт с ним, с Лумелло, со всеми его дружками — пусть думают что угодно. Разве в этом дело? Самому Альфреду предстояло решить очень трудную задачу — как поступить дальше, что предпринять?

Самое простое было бы сделать следующее: бросить свой зверинец, продать все, что можно, и на вырученные деньги отправиться в Европу. Его не только никто бы не осудил — напротив, все разумные люди согласились бы с тем, что он поступил правильно. Но разве для этого он провел год в Каире и Александрии, ожидая начала новой экспедиции? Разве для этого вновь отправился в Хартум, потеряв по дороге брата, испытав немало трудностей, рискуя жизнью при переезде через опаснейшие нильские пороги?

Ведь если сейчас бросить все, значит, не следовало ждать новой экспедиции — он спокойно мог бы отправиться в Европу вместе с бароном.

Нет, надо думать совсем о другом — не о возвращении в Европу, а о продолжении путешествия. Но для этого нужны деньги. А где их взять? Конечно, в Хартуме есть богатые европейцы, у которых можно было бы одолжить. Но… Брем очень хорошо помнил, как однажды пытался взять в долг у Николы Уливи. Как ни омерзителен этот человек, Альфред обратился к нему — другого выхода тогда не было.

Уливи с радостью согласился дать деньги Брему, но потребовал огромные проценты — вернуть Альфред должен был вдвое больше, чем брал. И на это согласился Брем — ему ничего не оставалось делать. Уливи быстро состряпал договор и подсунул его Альфреду, видимо надеясь, что тот подпишет не читая. Но Брем прочитал. И кровь бросилась ему в голову: мошенник ростовщик поставил не ту сумму, которую по договоренности Альфред должен был ему вернуть, а гораздо большую. Подписав этот договор, Брем буквально попадал в

кабалу к ростовщику. Этого уже Альфред стерпеть не мог: схватив попавшуюся под руки толстую плетку, которой стегал Уливи своих слуг, Альфред вложил в удар всю ненависть, которую он испытывал к этому жирному, грязному человеку. Он не думал о своей обиде, он хлестал Уливи, думая о сотнях обманутых им людей, об убитых по приказу этого работорговца или проданных невольниках, о пытках, которые он устраивал ради забавы, об умерших с голоду детях и стариках, купленных Уливи, но которых он почему-то не мог перепродать. За все — за поруганных женщин и разбитые семьи, за замученных детей и погибших под пытками мужчин — бил Альфред Уливи.

Ему противно было вспоминать об этом, но тогда он не мог сдержать себя.

Нет, больше к ростовщикам Брем не пойдет, даже если будет умирать с голода. Доктор Пеннэ и австрийский консул, возможно, с удовольствием и одолжили бы ему деньги, но они небогаты, Брем это знал.

Остается губернатор Судана Латиф-паша, хорошо относящийся к Альфреду. Он как-то говорил Альфреду, что в случае надобности готов прийти ему на помощь. Да, Латиф-паша. И еще… Альфред посмотрел на свои серебряные часы. Здесь, в Хартуме, их можно продать за крупную сумму. Еще есть у него несколько дорогих ружей. Жалко с ними расставаться, но ничего, Альфред умеет стрелять и из простых. Что еще? Можно продать часть снаряжения экспедиции, оставив себе самое необходимое. И тогда, пожалуй, денег хватит, чтоб отправиться в глубь страны!

Бахида, почувствовав, что настроение хозяина изменилось, вскочила на ноги и огромными прыжками стала весело носиться по двору, пугая страусят и ибисов и почтительно обходя марабу — с его клювом она уже была знакома.

— Иди сюда, Бахида, — позвал Альфред, — ты все понимаешь?

Львица подбежала к хозяину и преданно посмотрела ему в глаза. Брем погладил ее по голове.

— Да, ты все понимаешь, зверь!

Глава третья

«Фараон» — веселый студент

Узенькие, кривые улочки Иены подобно ручейкам бегут с гор и вливаются в широкую и спокойную, как полноводная река, улицу — главную улицу города. Здесь, окруженное чугунной витиеватой решеткой, возвышается могучее здание из серого камня — знаменитый Иенский университет.

— О, он учился в Иене! — говорят немцы и многозначительно поднимают вверх указательный палец.

И больше ничего не надо добавлять: каждому ясно, что человек, учившийся в Иене, а точнее — в Иенском университете, очень образованный. Еще бы! Тут замечательная библиотека, тут знаменитые профессора, тут известный во всей Германии ботанический сад, в котором собраны редчайшие растения со всего мира, тут прекрасные лаборатории…

Так думал и Альфред Брем, бродя с ружьем по окрестным лесам родного Рентендорфа и мечтая о том, чтоб стать студентом этого знаменитого, одного из лучших в Европе учебных заведений.

Вот уже почти год он дома. 28 мая 1852 года вернулся Альфред на родину. Он вернулся не только с богатейшими коллекциями, не только возмужавший и посерьезневший. Он вернулся с твердым убеждением: теперь у него есть только одна дорога в жизни — зоология. А для того чтоб идти этой дорогой — Брем прекрасно понимал, — мало уметь стрелять и различать птиц по полету и по голосам, мало даже путешествовать. У него есть знания, но нет системы. И Альфред твердо решил поступить в университет.

Но это оказалось не так-то просто: у Брема не было аттестата об окончании гимназии, а альтенбургское училище искусств и ручного труда не давало права на поступление в университет.

Пришлось засесть за книги. Год упорно занимался Брем, сдал гимназические экзамены и был зачислен в Иенский университет.

Университеты в те времена находились либо в очень больших городах — и часто по наличию университета можно было судить, насколько крупный и значительный это город, — либо, напротив, в маленьких, где не было ни фабрик, ни заводов, ни других

учебных заведений и где студенты, как считалось, могли заниматься только наукой.

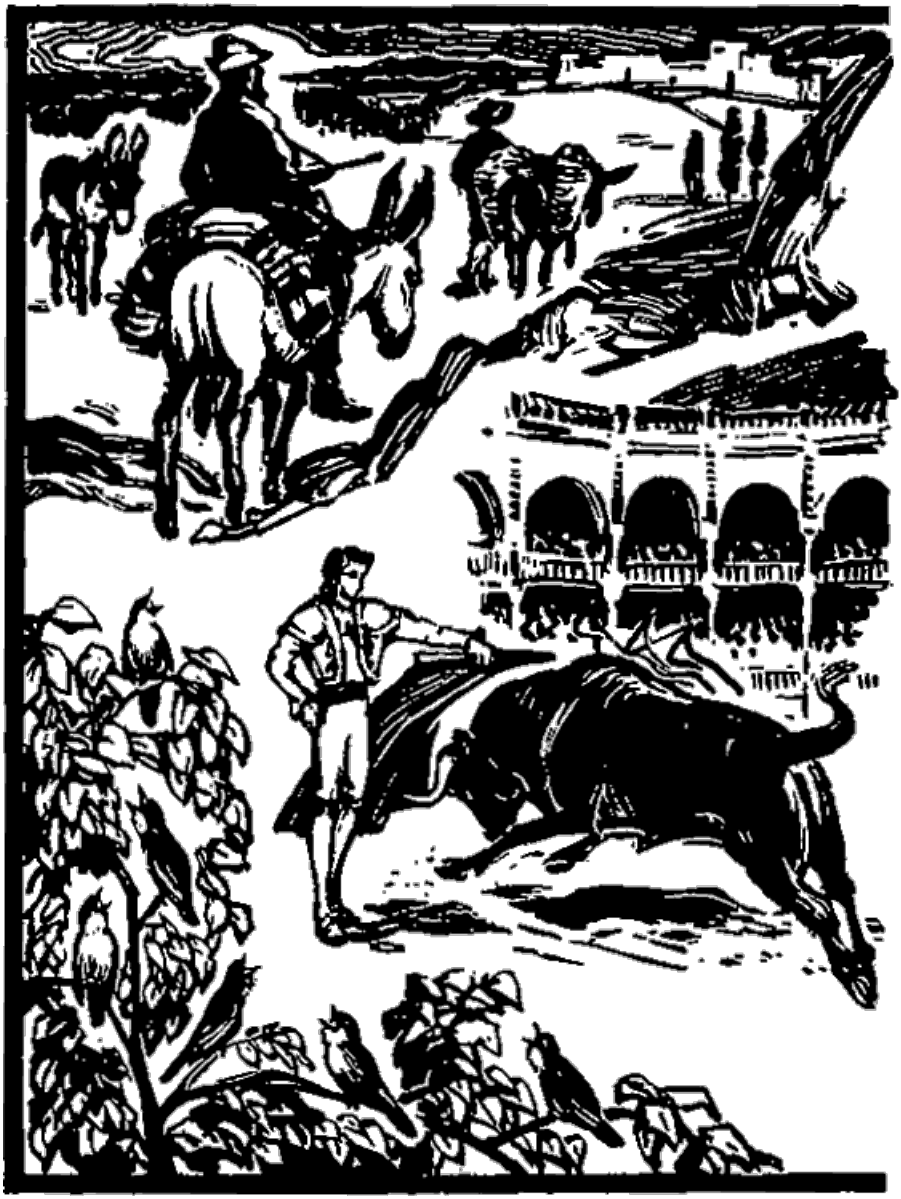
Иена была таким маленьким городком, где вся жизнь подчинялась университету, где основным населением были студенты, преподаватели или те, кто обслуживал их, кто так или иначе был связан с университетом. Вот почему летом, когда большинство студентов разъезжалось по домам, а профессора уезжали отдыхать, городок погружался как бы в сон. Но едва наступала осень, город оживал. Тогда шум, смех, громкие возгласы, песни звучали не только днем, но нередко и по ночам, не смолкая до рассвета. Жители Иены привыкли к шумным спорам, которые возникали тут же, на улицах, к шумным попойкам, которые студенты часто устраивали в излюбленном ими кабачке с низкими каменными потолками и длинными деревянными столами. Привыкли и к тому, что студенты тут самые разные: и важные сыновья богачей, приезжающие со своими слугами, и веселые бедняки, которые с трудом наскребают деньги на то, чтоб заплатить за ученье и кое-как прокормиться. Привыкли и часто не обращали внимания ни на что — ни на поведение, ни на внешность студентов.

Но этого студента знали в городе многие — слишком уж он был приметен. Статный, с длинными, откинутыми назад и открывавшими высокий лоб каштановыми волосами, с черной как уголь бородой, с большими ясными глазами, которые удивительно быстро меняли выражение — бешеный гнев сменялся вдруг безудержным весельем, ледяная холодность — ласковой теплотой. Его часто видели и среди веселящихся студентов, его голос — сильный и чистый — часто раздавался и в толпе спорящих.

Имя этого студента было Альфред Брем. Но большинство товарищей знали его под именем «Фараон». Может быть, это прозвище родилось из-за черной бороды, может быть, потому, что все знали о его путешествиях в Африку. А может быть, просто потому, что все в нем было необычно: и внешность, и манеры, и даже жилище. Впрочем, комната, где жил Альфред, пожалуй, ничем не отличалась от других, в которых жили студенты Иенского университета. Но стоило переступить порог этой комнаты, как человек сразу попадал в другой мир: его громко приветствовал попугай, на плечи ему прыгала маленькая обезьянка, под ноги бросался ручной ихневмон, а десятка полтора или два маленьких и самых разнообразных птичек, включая воробья, спокойно летавших по комнате и весело щебетавших, окончательно дополняли картину.

Альфред любил оставаться наедине со своими питомцами,

любил, сидя неподвижно в углу комнаты, наблюдать за ними. Правда, для этого у Альфреда было не очень-то много времени — его тянуло к товарищам, он любил бродить по окрестностям Иены, он часто подолгу засиживался в университетской библиотеке, а главное, стремился не пропустить ни одной интересной лекции. Особенно лекции по зоологии, которые читали профессора Шнель и Шмидт. Да, это были прекрасные преподаватели, образованные и умные люди. Профессор Шмидт считался специалистом по рептилиям. Он прекрасно знал анатомию крокодила, он мог описать все кости его скелета, рассказать даже о повадках и поведении, о том, чем питается крокодил, но он никогда не видел крокодила на воле. И может быть, поэтому он иногда как-то странно поглядывал на внимательно слушающего Брема, догадываясь, что Альфред знает о крокодилах, пожалуй, гораздо больше.



И это действительно было так. Внимательно слушая профессора, Альфред вспоминал широкий Нил, сотни зеленых чудовищ, неподвижно лежащих на берегу или в воде у берега. Они кажутся сонными, ленивыми, неуклюжими. Но это только кажется. Альфред знает, как обманчива их сонливость и неуклюжесть. Будто выпущенная из лука стрела, мчится мгновенно проснувшийся крокодил, завидев добычу. Альфред сам однажды чуть не стал добычей крокодила.

Это произошло во время первого путешествия из Каира в Хартум. Однажды он подстрелил редкий вид орлана. Птица упала

в воду, и ее стало быстро уносить течение. Брем попросил сидевшего на берегу араба, который, как и все местные жители, был отличным пловцом, достать птицу. Но тот категорически отказался. Альфред пообещал щедрое вознаграждение — не подействовало: араб ответил, что не полезет сейчас в воду даже за все сокровища мира. И объяснил, что тут свирепствуют крокодилы. Брем не поверил. Оглядев реку и не увидав ничего подозрительного, он разделся и вошел в воду. И тотчас же услышал предупреждающий крик наблюдавшего за ним араба. Альфред поднял голову и увидел стремительно плывшего от противоположного берега огромного крокодила. Река была широкая, Альфред только вошел в воду, и все-таки он еле успел выбраться на берег. Крокодилу пришлось довольствоваться лишь подстреленной Бремом птицей.

Местные жители боялись и ненавидели крокодилов. А ведь так было не всегда. В Древнем Египте — и Шмидт об этом тоже говорил на лекции — крокодил считался священным животным. В низовьях Нила появлялось множество крокодилов во время разлива реки. Вода поила жаждущую землю, ил, который приносила вода, удобрял ее. Люди радовались — будет урожай. И крокодилы, как и ибисы, казались им посланниками богов — ведь они приходили с водой, которую посылали щедрые боги.

Культ крокодилов в Древнем Египте был так велик, что для них сооружались специальные мраморные бассейны. Священный крокодил, живший в таком бассейне, имел специальных прислужников и своих собственных жрецов, лапы его были украшены драгоценными браслетами, кормили его отборной пищей, ему приносили жертвы — раз в год в бассейн на съедение крокодилу бросали одну из самых красивых девушек города.

Шмидт рассказывал об этом так, будто сам видел священных крокодилов, плавающих в мраморных бассейнах. А Альфред вспоминал свое посещение пещер, в которых покоились мумии этих животных.

Брем и его спутники с трудом протискивались в узкие лазы, ползли на животе, проходили через большие залы, снова ползли, пока наконец не очутились в подземном сводчатом зале. Тысячи крокодилов, точнее мумий крокодилов, были захоронены здесь. Они пролежали много веков, завернутые в холст и пальмовые листья. Холст и листья давно истлели, но большинство мумий были целы…

Но ни Шмидт, ни другие профессора, которые тоже выделяли Брема среди других студентов, даже предположить не могли, чем занимался он долгими зимними вечерами в своей комнате, где, нахохлившись, спали птицы, дремала на кровати хозяина

обезьянка и, свернувшись в клубок у его ног, лежал ихневмон.

Брем пока никому не говорил об этом. Если же кто-то заставал его склонившимся над рукописью, считали, что Альфред пишет очередную статью о птицах в один из орнитологических журналов, где сотрудничал.

Да, Альфред Брем действительно уже в студенческие годы писал статьи в специальные журналы. Но статьи занимали немного времени. Основным же для Альфреда в это время была книга. Пожалуй, он и сам не знал, не помнил, когда решил описать свои путешествия по Африке. Может быть, еще в Рентендорфе, готовясь в университет, может быть, уже тут, в Иене, слушая лекции по зоологии и географии. Но чем больше он думал о книге, тем тверже приходил к убеждению: надо ее написать.

Он достал дневники, записи, которые вел во время путешествия. Правда, вел записи он нерегулярно, иногда не было времени, часто не было возможности. Однако все события были еще очень свежи в памяти. И Альфред начал писать.

И снова — день за днем, месяц за месяцем проходило перед ним недавнее прошлое. Будто снова пережил он разлуку с родиной и почувствовал, как гулко бьется его сердце, когда он ступил на землю Африки. Снова поплыл он по Нилу, снова увидал одно из чудес света — пирамиды и грязные улочки Хартума. И опять бродил он по таинственным африканским лесам, заново переживал минуты смертельной опасности, спасаясь от разъяренного бегемота, на которого случайно наткнулся во время охоты. А то вдруг вставали перед Бремом удивленные глаза газели, ее умный взгляд, которым провожала она караван, идущий через пустыню. Стройная, быстрая, добрая, она подходит совсем близко, будто знает, что люди не причинят ей вреда. Но вот что-то все-таки показалось ей подозрительным. Она быстро делает несколько прыжков, с легкостью перескакивает через большие камни или кусты и снова стоит как вкопанная, весело, радостно поводя своими чудными глазами.

Часто откладывал он перо и подолгу сидел, глубоко задумавшись. Да, конечно, он — естествоиспытатель, его основная цель, цель этой книги — рассказать о природе Африки. И все-таки он не имеет права умолчать и о другом.

Он вспомнил, как однажды, заблудившись в степи, встретил двух негров и попросил их показать дорогу до ближайшего селения. Негры категорически отказались. Положение у Брема и его спутников было безвыходным, и они «взяли в плен» одного из них. «Пленный» негр указал дорогу, был вознагражден и отпущен. Но едва усталые путешественники заснули, как услышали

громкий шум и в хижину с криком «Вот они, бандиты!» ворвалась толпа вооруженных негров. Если бы недоразумение не выяснилось очень быстро, негры растерзали бы и Альфреда и барона. Как потом узнал Брем, второй негр решил, что работорговцы увели его товарища.

Работорговцы…

Барон возмущался, негодовал, даже грозил неграм, осмелившимся напасть на него, самого барона фон Мюллера. Но Альфред хорошо понимал этих людей. Еще бы! Он сам видел, как торговали людьми на рынках Хартума, как осматривали, ощупывали, разглядывали их, словно скот. Впрочем, скот на том рынке стоил дороже, чем человек.

Альфред вспомнил страшный день — 12 января 1848 года. Он никогда не забудет его. В течение многих недель преследовала Альфреда эта ужасная картина. Нет, он должен, обязан написать.

И перо снова быстро забегало по бумаге:

«Перед правительственными зданиями в Хартуме сидели на земле в кружке более шестидесяти мужчин и женщин. Все мужчины были скованы, но женщины не носили уз. Между ними на четвереньках ползали дети. Несчастные без слез, без жалоб лежали под палящими лучами солнца, устремив на землю безжизненный, словно окаменевший, но бесконечно жалобный взгляд. Кровь сочилась из ран мужчин, и ни один врач не оказывал им помощи; лишь раскаленная земля служила для того, чтобы унимать кровь; они питались той же пищей, которой насыщались верблюды… Вот перед нами больная мать со своим истомленным грудным ребенком! Со слезами на глазах смотрит она на приползшего к ней на четвереньках ребенка; он тянется к материнской груди, но в ней нет уже более молока».

Не знал тогда Альфред, что за четыре столетия европейские и американские работорговцы вывезли на плантации Нового и Старого Света десятки миллионов африканцев. А вместе с убитыми эта цифра достигла 100 миллионов человек. В XIX веке работорговля была официально запрещена. И тем не менее только за последние сто лет было захвачено и продано в рабство более четырех миллионов негров. Брем не знал этих цифр. Но он знал, как это делается.

«…Деревню негров окружают со всех сторон и берут ее приступом. Стариков, больных и негодных для рабства беспощадно убивают… Всех пленных собирают в кучу и негодных убивают на месте. Победитель, забрав с собой весь оставшийся в деревне скот, пускается в обратный путь. Окруженные солдатами, движутся пленники, подвергающиеся худшему обращению, чем стадо скота. Командующий приказывает остановиться. Все

взгляды обращаются к пылающей деревне. Быть может, тяжелораненый находит себе смерть в пламени… быть может, какой-нибудь забытый ребенок молит о помощи внутри объятой пламенем хижины, но какое дело до всего этого победителям? Совершенно таким же образом поступают они еще со множеством других деревень, пока не наберут достаточно рабов… Тогда, наконец, возвращаются они в Хартум, обозначая свой путь пожарами, убийством и грабежом».

Больше всего на свете Брем любил животных, больше всего ему хотелось писать о них. Но в этой своей первой книге он не мог писать лишь о том, что хотелось. Он видел, как истязали людей, как забивали их насмерть кнутами и плетками, как морили голодом и издевались над ними. И много страстных и гневных страниц посвятил он работорговле, много гневных слов написал он в адрес европейцев.

Брем писал быстро. Он исписал уже несколько сотен страниц, а работе еще не видно было конца. И все-таки он успел закончить книгу за год. Собственно, это была не одна книга, а три. Три тома, которые назывались «Путешествие по Северо-Восточной Африке». В 1855 году все три тома вышли в свет. Это совпало с окончанием университета. Для того чтоб получить звание доктора (оканчивающие университет в то время получали такое звание независимо от того, какой факультет они кончали), требовалось представить научную работу. И Брем представил свои книги.

Это было неслыханно! Никогда еще никто не осмеливался представить в этих стенах работу на звание доктора, написанную не по-латыни. Это нарушение правил, это нарушение вековых традиций!

Среди преподавателей университета у Альфреда были не только друзья и доброжелатели — были и враги. С кем-то он поспорил и доказал свою правоту, посрамив профессора, на чьи-то лекции ходил не очень аккуратно — считал их неинтересными, кому-то просто не угодил. Именно они-то и подняли шум вокруг работы Альфреда. Как?! Книга на немецком языке, а не на латыни? Да как он смел! И кроме того, книга, в которой поднимаются такие ненаучные вопросы, как работорговля!

Кое у кого были и другие, весьма существенные претензии к книге. О них не говорили громко, но о них и не молчали. И о них помнили, помнили всю жизнь, и даже после смерти Брема не могли простить ему многих высказываний.

Да и в самом деле, как он, добропорядочный немец, воспитанный в семье уважаемого пастора, впитавший в себя не только целительный воздух тюрингских лесов, но и великие идеи

о превосходстве немецкой нации, посмел отступить от этих идей?!

Альфред посмел. И возможно, сознательно пошел на это. Он ничего не скрывал. В книге он был таким, каким был в жизни: в начале путешествия он презирал всех, кроме своих соотечественников. В Африке уже признает итальянцев и французов, греков и испанцев. Это для него — европейцы, которых он поначалу противопоставляет африканцам. Но прошло не так уж много времени, и Альфред понял, что дело не в нации, не в цвете кожи и не в том, на каком материке родился человек. И среди немцев есть такие негодяи, как барон Мюллер, и среди европейцев есть такие подлецы, как Лумелло и Никола Уливи. С другой стороны — и жизнь доказала ему это — и среди мусульман, и среди негров-язычников есть немало людей с добрыми и благородными, горячими и нежными сердцами.

И об этом он не раз говорит в своей книге.

Что ж, с точки зрения некоторых преподавателей это тоже ненаучные вопросы.

Но один за другим поднимались крупнейшие профессора Иенского университета, внимательно прочитавшие книгу студента и не только высоко оценившие ее, но и нашедшие в ней очень много нового и неизвестного для себя.

Один за другим голосовали они за то, чтоб присвоить Альфреду Брему докторское звание. И оно было присвоено. Впервые в истории Иенского университета на этом факультете было присвоено звание доктора человеку, представившему работу на немецком языке, а не на латыни.

1 мая 1855 года двадцатишестилетний Альфред Брем получил диплом и перестал быть «веселым студентом».

«Садовая беседка», Испания и снова птицы…

— Добрый день, господин Брем!

— Здравствуйте, господин доктор!

— Как вы себя чувствуете, господин доктор?

Брем едва успевал отвечать на приветствия. А ведь всего пять с небольшим лет назад, когда после окончания университета он приехал в Лейпциг, чтоб занять скромное место преподавателя в частной женской гимназии, у него не только не было знакомых в этом городе, но и когда этим знакомым полагалось бы уже появиться в достаточном количестве, их все-таки у Брема почти

не было.

Это расстраивало и даже часто злило Альфреда, привыкшего постоянно находиться в шумном обществе своих коллег-студентов, знавшего в лицо почти всех студентов своего факультета, знакомого со всеми преподавателями и многими жителями Иены.

Брем понимал, что произошло в Лейпциге. Поначалу он — высокий, чернобородый (бороду Альфред так и не сбрил), автор трехтомного описания путешествия в Африку (книги, конечно, читали очень немногие, но многие слышали о них) — вызвал любопытство: не так-то уж много в Лейпциге преподавателей гимназий, а особенно молодых, да еще путешественников. Но вскоре любопытство уступило место другому чувству — возможно, это было недоумение, смешанное со страхом. Рассказывали, что этот молодой ученый мог устроить скандал на улице незнакомому и всеми уважаемому человеку, накричать на своих учениц, довести их чуть ли не до истерики…

И самое главное, что многое в рассказах о Бреме было правдой. Правдой, конечно, сильно приукрашенной, но почву под собой эти рассказы имели.

Действительно, однажды, проходя по улице и увидев, как какой-то господин избивает свою собаку, Брем сказал ему что-то резкое. В ответ он услышал брань, а на бедное животное посыпался град новых, еще более жестоких ударов. Вспылив, Альфред отобрал у хозяина собаки плетку и забросил ее в канаву, пообещав, что в следующий раз, если увидит подобное издевательство над животным, задаст взбучку самому хозяину. Альфред понимал, что его вмешательство не избавит животное от дальнейших издевательств, но разве он мог пройти мимо в ту минуту?

Конечно, принимая предложение преподавать в лейпцигской женской гимназии, Брем знал, на что идет. Дочки лейпцигских фабрикантов и купцов должны были получить тут лишь самое поверхностное образование. Ни о каком будущем после окончания гимназии не могло быть и речи — они должны стать лишь настолько образованными, чтоб уметь писать сентиментальные письма своим женихам, читать сентиментальные романы, а после замужества поддерживать светский разговор за чаем с традиционным немецким тортом. Да, Брем это понимал, и все-таки часто ему было очень трудно сдерживать себя, глядя в чистые и пустые, как безоблачное небо, глаза своих учениц. Ну какое им дело до птиц и зверей, зачем им знать о рыбах и пресмыкающихся?! Их познания вполне могут ограничиться кухонной зоологией — курица, жареная или

вареная рыба, индейка или омары. А где и как они живут — зачем знать этим девицам?

Но странное дело, с трудом сдерживая раздражение и ярость, он все-таки упорно продолжал вдалбливать им основы зоологии. И чем прочнее было непонимание или равнодушие учениц, тем упорнее хотелось Альфреду расшевелить их, зажечь в них хоть искорку…

Борьба между равнодушием одних и страстностью другого шла долго. И победил Брем. Все чаще стал замечать он, что в глазах этих «гусынь» или «верблюдиц», как часто про себя он называл своих учениц, появлялось любопытство, интерес к тому, о чем он рассказывал, все осмысленнее были их вопросы, все содержательнее ответы.

К концу учебного года Брем стал чуть ли не самым любимым преподавателем в гимназии, хотя по-прежнему нередко позволял себе повышать голос. Но теперь на него уже не обижались, а именитые папаши, еще недавно приезжавшие к директору гимназии с жалобой на преподавателя зоологии и географии Брема, начали делать попытки покороче познакомиться с ним.

Однако популярным, известным в Лейпциге человеком сделал Брема Эрнст Кейль, точнее журнал, который он издавал.

Однажды Альфред получил коротенькое письмо: его просили прийти в редакцию журнала «Садовая беседка» для переговоров о сотрудничестве в этом журнале. Через несколько дней Брем отправился к Эрнсту Кейлю, хотя уже твердо знал, что сотрудничать в журнале не сможет. Он внимательно прочитал вышедшие ранее номера «Садовой беседки» и, кроме душещипательных рассказов, поваренных рецептов и советов тем, кто вяжет, ничего не обнаружил. Правда, иногда попадались и научно-популярные статьи, но написанные так, что с первых же строк выдавали невежество их авторов. Все это он прямо и сказал издателю, едва переступил порог редакции. Эрнст Кейль не только не обиделся, а крепко пожал руку Альфреду и весело рассмеялся.

— Честное слово, именно таким я вас и представлял, — сказал он, усаживая Альфреда в кресло, — мало того, я почти точно угадал, что вы скажете, придя в редакцию.

— А разве я не прав?

Кейль стал серьезным.

— Да, вы правы, — сказал он, — к сожалению, правы. Не мне объяснять вам, что собой представляет и чем интересуется большинство нашей читающей публики, и я вынужден считаться с этим хотя бы потому, что хочу издавать журнал. Но я хочу не только издавать журнал для чтения обывателей — я хочу, чтоб он

приносил пользу, воспитывал…

— Те статьи о природе, которые я читал, вряд ли принесут пользу, — перебил его Брем, — их писали люди, никуда дальше окрестностей Лейпцига не выезжающие, однако осмеливающиеся писать об Африке и Азии, о слонах и леопардах…

— Я согласен и с этим, господин Брем, именно поэтому я осмелился пригласить вас.

Альфред ничего не ответил. Ему определенно нравился этот еще молодой человек, нравился его мягкий, но настойчивый тон, его, видимо, действительно искреннее желание сделать свой журнал не только развлекательным, но…

— Дорогой господин Кейль, — Брем встал и заходил по маленькой, явно тесной для него комнатке, — как вы представляете себе мои статьи? В свое время, как вы, очевидно, знаете, путешественники, возвращавшиеся из дальних стран, обязаны были писать о всяких чудесах: о безголовых людях или невиданных морских чудовищах, о единорогах и птицах со стальными перьями, о карликах, сторожащих несметные сокровища, и еще бог знает о чем. Так было и столетия назад, так часто происходит и сейчас. Истина кажется скучной, правда не пользуется почетом. Надо читающей публике что-то сверхинтересное и сверхзанимательное. Должен вам сказать, к нашему общему сожалению, что этого требуют и ваши коллеги издатели. А мои коллеги ученые часто охотно на это идут. Но я лично ни за какие сокровища мира не пойду на это!

Кейль молча слушал Брема и, когда тот, закончив говорить, остановился у окна, протянул ему руку.

— Вы сказали именно то, что хотел сказать я сам. Поэтому предлагаю: вы пишите все, что хотите, я печатаю все, что вы напишете. И я уверен, что не только мы оба, но и все наши читатели будут довольны.

Кейль оказался прав. Уже первая статья Брема, напечатанная в «Садовой беседке», вызвала большой интерес.

Благодаря статьям Брема тираж «Садовой беседки» увеличился, а сам Брем стал довольно известным и популярным человеком в Лейпциге.

Доволен был читатель, доволен был Эрнст Кейль, доволен был и директор гимназии, забывший о том, что несколько месяцев назад собирался предложить Брему оставить преподавание. Недоволен был лишь сам Брем.

Однажды в шутку он сказал Кейлю:

— Вы знаете, я все чаще думаю, что спать в нормальной квартире, на мягкой кровати, укрываясь периной, менее удобно, чем спать в палатке. Во всяком случае, для меня.

Кейль не удивился, он понял, что в этой шутке немалая доля правды — очевидно, Альфреда действительно постоянно тянет в дальние страны, и в Лейпциге ему не очень-то по себе.

А Брем все чаще и все серьезнее обдумывал свое новое путешествие. Для организации экспедиции в Африку, Азию или Австралию нужны были немалые деньги, а у Брема таких денег не было. Гонорар, полученный им за книгу о путешествии в Африку, был невелик и позволял совершить путешествие лишь в пределах Европы. Но что ж, и в Европе есть немало стран, где можно увидеть незнакомых животных, пополнить свои коллекции, понаблюдать за зверями и птицами.

Брем остановился на Испании — стране, мало исследованной зоологами. Конечно, большую роль сыграли и письма Рейнгольда, который после окончания медицинского факультета Иенского университета уехал работать в Мадрид.

И вот Испания. Узенькие, каменные, залитые расплавленным солнцем улочки, широкие площади, шумные, веселые, темпераментные испанцы, черноглазые красавицы испанки в ярких и пестрых нарядах, бешеный рев толпы в цирке, где на арене тореро пронзает шпагой очередного быка, черные сутаны монахов и гордые идальго — все осталось позади. Добродушный длинноухий ослик, осторожно ступая по каменистой тропинке, не торопясь продвигается все выше и выше, в горы Андалузии. Брем не задержался в Мадриде и, едва познакомившись с испанской столицей, вместе с братом отправился в глубь страны.

…Эрнст Кейль с нетерпением ждал возвращения Альфреда из Испании. Он уже привык к Брему, полюбил его и очень хотел поскорее увидеть его снова. Однако у Кейля был и практический интерес: он рассчитывал, что Брем напишет несколько увлекательных очерков о своей поездке.

Да, конечно, Брем мог бы написать интересные очерки — о Мадриде и Андалузии, о Каталонии и стране басков, о людях, которые как бы поют, когда говорят, и словно танцуют, когда ходят. Он мог бы написать о кровавой корриде, когда обезумевшая толпа с ревом и одинаковым восторгом принимает меткий удар тореро, поразившего быка, и стремительный бросок окровавленного животного, поднимающего на рога допустившего малейшую оплошность человека. Он мог бы написать и о неизвестных еще науке птицах, например об открытом им новом виде жаворонка, который Альфред в честь сестры назвал «галерида Текла», и о знакомых ему с детства, но по-настоящему поразивших его воображение лишь в Испании соловьях. Здесь их было столько, что Альфреду иногда казалось: вся Каталония — сплошной соловьиный сад. Не было дерева, не было, казалось, ни

одного кустика, откуда бы не раздавалась соловьиная песня. Нередко Брему встречались кусты, на которых гнездилось до десяти пар соловьев. Брем мог бы написать и об опасностях, которые подстерегали его в Испании. И не только тогда, когда, пробираясь по узким тропинкам, он каждую секунду рисковал сорваться в пропасть, и не только тогда, когда ураганы и ливни заставали его в горах.

Однажды, возвращаясь вечером в лагерь, Альфред уже издали увидал: там что-то неблагополучно. Осторожно приблизившись, Альфред понял, в чем дело, — на лагерь напали бандиты, о которых давно предупреждали местные жители. Один из бандитов держал под прицелом спутников Альфреда, остальные — их было пять или шесть — хозяйничали в палатках.

Раздумывать было некогда — Альфред прицелился и выстрелил в того, который караулил участников экспедиции. Бандиты, схватив оружие, бросились к товарищу, но перед ними вырос высокий чернобородый человек с карабином в руке.

— Стоять неподвижно! — приказал он, слегка поводя стволом карабина, и каждому из бандитов казалось, что именно в него целится этот бородач.

— Сними шапку! — приказал Брем бандиту, стоящему ближе всех.

Тот недоуменно снял свою широкополую шляпу.

— А теперь подбрось ее вверх! Быстрее! — крикнул Альфред, увидав, что бандит недоуменно переминается с ноги на ногу.

Бандит подбросил шляпу, но она, описав небольшую дугу, шлепнулась в кусты.

— Не так. Сильнее и выше. Вот ты! — указал он карабином на другого бандита.

Тот сорвал с головы такую же мятую широкополую шляпу и изо всех сил швырнул ее вверх. Брем вскинул карабин и, почти не целясь, выстрелил в шляпу. Затем отбросил разряженный карабин и выхватил из-за пояса пистолеты.

— Вы видели, как я стрелял, — сказал он спокойно, — и каждый, кто… — в ту же секунду Брем вскинул пистолет и выстрелил в стоящего с краю бандита — тот незаметно пытался вытащить из-за пояса оружие. Бандит закричал и повалился на землю, хотя Альфред знал точно — пуля лишь скользнула по его руке.

— Итак, каждый, кто попытается сделать лишнее движение, станет моей мишенью…

Бандиты стояли, боясь пошевелиться. Альфред позвал брата и велел ему отобрать оружие у бандитов: торчавшие из-за пояса пистолеты, ножи, валявшиеся в стороне ружья. Рейнгольд быстро

выполнил приказ брата.

— А теперь, — Брем снова держал в руках свой карабин, который Рейнгольд успел перезарядить, — марш отсюда! Но сначала заберите вот этого, — Альфред указал на лежащего в стороне бандита, которого он ранил первой пулей.

Рана была неопасной, и бандит, поддерживаемый товарищами, быстро скрылся в темноте. За ним последовали остальные.

Лишь когда шаги их затихли вдали, Альфред опустил карабин и вытер со лба пот.

Это было одно из многих приключений, о которых мог бы написать Брем для «Садовой беседки». И безусловно, читатели встретили бы подобные очерки с восторгом.

Но об этом Брем писать не будет.

Он напишет о другом.

Это произошло в Мадриде. Альфред любил бродить по мадридским базарам — они привлекали его своей красочностью, веселыми выкриками продавцов, самыми необычными и неожиданными товарами. Вот и в тот день он бродил по базару, переходя от лавочки к лавочке, разглядывая выставленные в них нехитрые, яркие украшения, которые так любили сельские модницы, кинжалы и старинные шпаги, которыми торговали оружейники, глиняную посуду и яркие дешевые ткани. В другой части рынка Брем с удовольствием рассматривал длинные ряды торговцев овощами и фруктами: яркие горы гранатов и винограда, огромные кучи какой-то зелени типа салата и огненно-красные стручки перца… И вдруг — Альфред даже не поверил глазам — целый ряд занимали продавцы битой птицы. Но какой! Нет, это была не охотничья дичь, не куропатки или перепелки, не гуси или утки. Это были мелкие птички. Целые груды ласточек и зябликов, жаворонков, славок, мухоловок, соловьев, тех самых соловьев, пение которых еще так недавно слушал завороженный Брем.

Он быстро подошел к торговцам. Заметив его интерес, один из продавцов весело крикнул:

— Покупайте, господин, совсем ведь дешево! — и он назвал действительно очень незначительную сумму.

Брем ничего не ответил. Он подошел почти вплотную к груде мертвых птичек и взял в руки одну из них. Это была береговая ласточка.

— Неужели дорого? — удивился торговец, поняв по-своему молчание Брема.

— Зачем это все? — тихо спросил Брем.

Торговец удивился еще больше.

— Как это зачем? Для еды!

Брем осторожно положил обратно ласточку. Она была такая легкая, что, казалось, состояла из одних перышек.

— Это — для еды?

— Конечно, мяса мало, зато птичек много. И добывать их ничего не стоит, — весело говорил торговец, — покупайте, господин, не скупитесь.

Брем почувствовал, как безудержная ярость охватывает все его существо. Но он сдержал себя и, круто повернувшись, зашагал прочь.

Конечно, он мог бы схватить за шиворот этого торговца и так тряхнуть, чтоб тот навсегда забыл, как ловить птиц для продажи. Но что толку?.. Альфред вспомнил длинные ряды с битыми птичками. Ну проучил бы он одного, но разве это что-нибудь изменит? Десятки, сотни, возможно, тысячи охотников за этими птичками все равно будут ежедневно отправляться в поля, в леса, в горы, и снова ежедневно на базарах будут появляться кучи ласточек и соловьев, зябликов и славок, и многих других птичек, которые не только украшают землю, радуют своим пением, даже своим видом, людей, но и приносят огромную пользу.

Сейчас многие люди равнодушны к птицам, может быть, именно потому, что по-настоящему не знают их, не представляют, как бедна была бы без них жизнь, наконец, как они нужны, полезны, просто необходимы… Значит, надо рассказать об этом. И не одному лишь торговцу на рынке в Мадриде, а многим, очень многим людям. И он, Брем, это сделает!

Эрнст Кейль был согласен с Бремом во всем, а если с чем-то и не соглашался, то не показывал виду: он очень хотел сохранить этого автора для своей «Садовой беседки».

Однако Брем предупредил Кейля, что сейчас может написать лишь первые главы своей будущей книги и, если Кейль хочет, отдаст их в его журнал. Закончит же Брем книгу лишь тогда, когда вернется из нового, уже обдуманного им путешествия. И на удивленный вопрос издателя сказал:

— Я видел и изучал птиц Африки, Средней и Южной Европы. Но я знаю о птицах севера лишь понаслышке или по специальной литературе. Для той книги, которую я задумал, этого недостаточно. Я хочу поехать на север Европы. И вы должны мне помочь — одолжить денег на поездку под честное слово, что я напишу для вас очень интересные статьи и рассказы о севере.

Кейль улыбнулся и по своему обыкновению молча протянул Брему руку.

Брем не обманул: вскоре после его возвращения в «Садовой беседке» появился очерк «Лапландские птичьи горы», затем и

другие рассказы и очерки о северных животных и птицах. Появилась и его книга «Жизнь на севере», которую с большим интересом читали не только те, кто интересовался природой. Однако все это было не главным.

24 января 1861 года пастор Людвиг Христиан Брем отмечал свое 74-летие. Среди множества подарков, которые он получил от близких, друзей, знакомых и почитателей, была книга. Пастор особенно бережно взял ее в руки. На обложке — четким шрифтом — «Жизнь птиц». Он раскрыл книгу и прочитал: «Кому, как не тебе, мой любимый отец, я должен посвятить эту книгу? Вот уже много лет, как ты открыл мне богатую сокровищницу твоего знания, много лет, как ты щедро наделял меня из нее: теперь я могу возвратить тебе часть твоей же собственности. Это ведь наилучший дар, который может тебе предложить сыновнее почтенье, благодарность и любовь!»

Книга сразу стала очень популярной среди любителей природы — она не только рассказывала о биологии птиц (первая часть), не только давала характеристики наиболее интересных представителей птичьего мира (вторая часть), но сама по себе эта книга была блестящим художественным произведением, она была доступна всем, кто интересовался птицами, и в то же время она была очень достоверна, что отличало ее от большинства подобных, издававшихся в то время.

Имя Брема стало известно по всей Германии. А жители Лейпцига шутили: в нашем городе много достопримечательностей. И одна из них — доктор Альфред Эдмунд Брем.

И, гуляя изредка по вечерам со своей молодой женой, которая по этому поводу заставляла мужа снять его любимую куртку и влезть в ненавистный фрак, Брем едва успевал отвечать на приветствия. На каждом шагу он слышал:

— Здравствуйте, господин Брем!

— Добрый вечер, господин доктор!

Глава четвертая

Гамбургский зоопарк

— Заниматься любимым делом, да еще получать за это приличные деньги, — что может быть лучше? — сказал Эрнст Кейль, когда Брем пришел к нему посоветоваться. — Конечно, мне грустно расставаться с вами, но нельзя же быть эгоистом. Поэтому я могу дать вам лишь один совет: соглашаться!

Брем и сам в душе уже был согласен принять предложение Гамбургского зоологического общества. Правда, Альфред плохо представлял себе, что это за общество, чем оно занимается и для чего создано. Во всяким случае, ни один сколько-нибудь известный ученый не входил в него. Но конкретная цель людей, сделавших Брему столь интересное предложение, была понятна: они хотят организовать в Гамбурге зоопарк.

Первый зоопарк в Европе был организован в Париже по ходатайству ученых-натуралистов в конце XVIII века. Идея создания его родилась в период Великой французской революции. И в 1792 году Конвент — высший орган власти — специальным декретом постановил организовать на территории Ботанического сада «манжерию» — зоологический сад.

В 1828 году зоологический сад появился в Лондоне, через десять лет в Амстердаме, еще через пять в Берлине и Антверпене. И вот, наконец, и гамбуржцы захотели иметь свой зоосад. Впрочем, к тому времени зоопарки и зверинцы существовали уже во многих городах Европы: в Кельне, в Дрездене, в Дублине, Бристоле, Роттердаме. Да и в самом Гамбурге время от времени появлялись бродячие зверинцы. Их успех, видимо, и надоумил предприимчивых членов Гамбургского зоологического общества создать свой собственный зоосад. Ну а на пост директора трудно было найти кандидатуру лучше, чем Альфред Брем.

Хозяева зоопарка — акционерное общество, состоящее из людей, решивших вложить деньги в это мероприятие, — рассчитывали, что он принесет им немалый доход. Еще бы! Если тюлени, помещенные в обыкновенное деревянное корыто для стирки белья и выставленные для обозрения рыботорговцем Готфридом Гагенбеком на площади Сан-Паули в портовом предместье города, вызвали такой интерес публики, то что же

будет, когда откроется зоопарк? Да еще если станет известно, что директор этого зоопарка — доктор Брем! Деньги потекут в карманы акционеров если не рекой, то уж ручьем, во всяком случае.

Деньги, о, эти проклятые деньги! Сколько неприятностей доставляли они Альфреду и в молодости, и вот сейчас, когда он, уже зрелый тридцатипятилетний известный ученый, всей душой отдался новому и увлекательному делу!

Животные в клетках никогда не радовали Брема. Особенно в маленьких и грязных зверинцах. Ему ли любоваться львом, который едва мог повернуться в своей тесной клетушке, когда этих же львов он видел на свободе, слышал их громоподобный рык. В страхе замирало все вокруг, сбивались в кучу домашние животные, жались к своим перепуганным хозяевам грозные сторожевые собаки, когда гордый и благородный царь зверей объявлял о своем выходе на охоту.

Мог ли прикованный цепями грустный слон доставить радость Брему, который видел этих животных свободными, не имеющими равных себе в силе, не знающих страха ни перед кем?

Могли ли доставить ему радость сидящие в клетках птицы, те самые птицы, полетом которых он всегда любовался?

Но Брем понимал и другое: люди должны видеть животных, должны знать их. Огромное количество людей еще живет в плену предрассудков, верит во всякие чудеса, в необыкновенных существ, наделяет даже знакомых животных самыми фантастическими чертами и свойствами. Интерес людей к животным почувствовали дельцы, торговцы зверями и птицами. Значит, зоопарки будут возникать все равно. И задача не в том, чтоб остановить их возникновение, — это все равно не удастся, а в том, чтобы найти для них какую-то новую форму.

Согласившись стать директором Гамбургского зоопарка, Брем мечтал о том, что сможет создать животным, находящимся в неволе, условия, хотя бы отдаленно напоминавшие им природные. Это нужно не только животным, страдающим и гибнущим в зверинцах и зоопарках, — это нужно и людям, которые не могут получить правильного, даже отдаленно правильного представления о зверях и птицах, если они зажаты железными прутьями решеток в узких щелях клеток, если они не могут двигаться, бегать, прыгать, летать…

Так думал доктор Брем, подписывая контракт с председателем акционерного общества, или, как оно себя стыдливо стало называть, наблюдательным советом, — господином Майером.

Так говорил Брем, выступая перед членами попечительского

совета будущего зоопарка в Гамбурге.

Так и начал он организацию зоопарка.

И сразу наткнулся на препятствия.

Слушая Брема, Майер — важный и богатый гамбуржец — молчал. Молчали и члены попечительского совета, когда Брем излагал им свои мысли и планы. Но едва начал новый директор действовать, они заговорили.

Брем хочет, чтоб птицы жили не в клетках, а в просторных вольерах? Что ж, похвальное желание, но устройство вольер стоит гораздо дороже, чем клеток!

Господин директор хочет, чтоб клетки хищников были просторными?

Господин доктор требует, чтоб бассейны для крокодилов и

бегемотов были гораздо глубже и шире, а копытные животные жили не в клетках, а в загонах, где можно было бы бегать и прыгать, как на воле? Да, это все прекрасно, но подумал ли господин директор, сколько это будет стоить, понимает ли господин доктор, что для этого территория зоопарка должна быть гораздо больше, а земля в Гамбурге очень дорогая?!

Брем не сдавался, и акционерам-попечителям на первых порах пришлось уступить. Но это были жалкие, нищенские уступки. По-прежнему звери, как и всюду, были помещены в маленькие темные клетки, и лишь для птиц удалось Брему отвоевать более или менее сносные условия и устроить вольеры. Но Брем надеялся, что добьется своего[2].

Но если вопрос об устройстве новых вольер, расширении территории зоопарка, создании подходящих условий для животных можно было отложить на какое-то время и вести за это упорную и постоянную борьбу, то были вопросы, отлагательства не терпящие.

По своему маленькому зверинцу в Африке, по многочисленным наблюдениям, наконец, по зоологической литературе, которую тщательно и постоянно изучал, Брем знал, как и чем кормить животных и сколько надо давать им еды. А то, что животные, содержащиеся в неволе, должны быть сытыми, для Брема был вопрос бесспорный. Для хозяев зоопарка было бесспорно другое: животные в зоопарке должны получать столько еды, сколько требуется им, чтоб не умереть с голода. Кормить животных досыта — непростительная роскошь, это стоит слишком много денег. Деньги, опять деньги! Но разве можно экономить на этом?! Брем помнил, как, оказавшись в Хартуме в тяжелейшем положении, продавая вещи, влезая в долги, отказывая себе во всем, он никогда даже подумать не мог о том, чтоб оставить животных голодными.

И вновь при встрече с Майером, на заседаниях попечительского совета говорил об этом Брем. Он каждый раз давал себе слово говорить спокойно, но каждый раз выходил из себя, видя равнодушные лица своих слушателей. Они были спокойны — они знали, что ни одной лишней копейки не отпустят на корм для животных. И до поры до времени прощали Брему его непочтительность и настойчивость — он пока еще был им нужен. Но настало время, когда начали нервничать и члены попечительского совета.

Началось все с эпизода, казалось бы, не имеющего отношения к доходам акционеров (а ведь именно доходы волновали большинство акционеров). Став директором, Брем сразу и категорически потребовал, чтоб сторожа и смотрители,

находящиеся при клетках хищников, не дразнили животных. Но странное дело — обычно послушные и исполнительные служители в данном случае не особенно слушались директора. И, если его не было поблизости, продолжали дразнить хищников.

Брем знал, что такое часто практикуется в зверинцах и в некоторых зоопарках. Но ведь Гамбургский зоопарк — совсем другое дело! Разве он может сравниться с бродячим зверинцем, перед входом в который осипший зазывала обещает публике леденящие кровь зрелища?! Требовать от служителей, чтоб они не мучили и не дразнили животных, Брем считал не только своим правом, но и обязанностью. И очень удивился, когда Майер, вызвав его к себе в кабинет, затеял с ним разговор по этому поводу.

В зоопарке был сторож, отличавшийся особо жестоким отношением к животным. Любимым развлечением его было дразнить старого льва. Если лев засыпал, сторож просовывал между прутьями длинную палку и изо всей силы ударял спящее животное. Испуганный лев вскакивал и спросонок бросался на решетку под хохот и улюлюканье собравшихся у клетки зрителей. Но особенно жесток сторож был во время кормления. Бросив в клетку мясо, он ждал, когда голодное животное приблизится к еде, и, просунув сквозь решетку заостренный металлический прут, сильным ударом отгонял его от мяса. Лев отскакивал и снова шел к мясу. И снова встречал его острый прут. Лев начинал злиться, затем приходил в ярость, пытаясь ударить лапой по пруту, приближался к мясу то с одной, то с другой стороны, каждый раз получая удар, и, наконец, доведенный до бешенства, в отчаянье бросался на решетку, за которой стоял его мучитель.

Брем не раз делал замечания сторожу, но это не помогало. И однажды, застав его во время очередного издевательства над животным, директор тут же объявил сторожу, что тот уволен.

А на другой день Брема пригласил к себе президент попечительского совета господин Майер.

— Я восстановил уволенного вами служащего, — сказал он, едва Брем сел в предложенное ему кресло. — Не перебивайте и выслушайте меня, господин доктор, — продолжал он ровным, бесстрастным голосом, — вы уволили служащего за то, что он дразнил льва. Вы хотели его лишить дополнительного заработка…

Брем удивленно посмотрел на Майера.

— А между тем это именно так, уважаемый доктор. Публика охотно платит сторожам за то, что они показывают животных во всей красе. Да, они платят сторожу, чтоб тот злил хищника, они платят за вход в наш зоопарк, чтоб увидать зверей такими,

какими они должны быть. И львов они хотят видеть ревущими, рычащими, бросающимися на решетку. Только такими они представляют себе хищников. Вы не согласны со мной?

Брем почувствовал, как кровь приливает к голове, как бешено начинает стучать сердце. Еще немного — и он взорвется, наговорит Майеру дерзостей, возможно, хлопнет дверью.

Он встал и быстро подошел к окну, чтоб хоть не смотреть в холодные прищуренные глаза президента совета.

Почему люди хотят видеть только оскаленные морды животных, их бешеные глаза, слышать их рычание и рев? Да, лев хищник, но разве не он, этот хищник, — пример благородства? Ведь лев никогда не нападет исподтишка, — выходя на охоту, он громким рыком объявляет об этом, как и положено настоящему царю зверей. И убивает он не ради убийства, а ради того, чтобы быть сытым. Он никогда не нападает зря, и Брем сам наблюдал, как мирно паслись антилопы и зебры неподалеку от отдыхающего льва, — лев был сыт и никому не угрожал. Да и разве всегда он должен быть грозным? Кому, как не ему, Брему, знать, что животные способны отвечать добром на доброе к ним отношение? Он видел перед собой веселые и добрые зеленые глаза Бахиды и думал о том, что, возможно, и над ней так же издеваются в Берлинском зоопарке, где она теперь живет.

Задумавшись, он не сразу услышал, о чем продолжает говорить Майер, а услышав, не сразу понял смысл его слов.

— Из-за ваших запретов, господин директор, мы тоже несем убытки, — говорил президент, — публика стала меньше посещать наш зоопарк, и наши доходы сократились. А вы должны наконец понять, что мы не благотворительное общество, а коммерческое предприятие! Поэтому убедительно прошу вас впредь не мешать служителям зарабатывать свои деньги и помогать зарабатывать их нам. Люди должны видеть животных такими, какими они их себе представляют!

Брему хотелось крикнуть, что задача зоопарков, задача ученых — рассказать и показать людям животных не такими, какими они хотят их видеть, а такими, какие они есть. Но промолчал: циничные слова Майера, его холодные глаза, растянутые в презрительную улыбку губы, неподвижное, как маска, лицо оглушили Брема, лишили его речи.

Откуда ему, человеку, понимавшему душу животных, очевидно, лучше, чем душу таких людей, как Майер, и таких, как хохочущая или вздрагивающая от удовольствия толпа у клетки яростно бросающегося на решетку хищника, знать, что жестокость так сильна и так живуча в людях? Что жестокость воспитывают, на ней спекулируют, зарабатывают ловкие дельцы, для которых

деньги — главное и единственное?

Даже через сто лет, когда замечательный немецкий ученый Бернгард Гржимек и его сын Микаэль[3] на свой страх и риск сняли фильм о диких животных, кинопредприниматели отказались взять его в прокат: слишком добрыми, совсем не кровожадными выглядели там звери. К счастью, человечество в целом оказалось мудрее и добрее предпринимателей — фильм Гржимеков все-таки вышел на экраны и имел огромный успех. Люди теперь хотят видеть животных такими, какие они есть. Хотят спасти их, сохранить их на Земле. И в изменившемся отношении к животным немалая заслуга Альфреда Брема. И Брема-путешественника, и Брема-натуралиста, и Брема-писателя, и Брема — директора Гамбургского зоопарка, который на категорическое требование Майера разрешить сторожам дразнить животных так же категорически ответил: нет!

С каким удовольствием указал бы Майер Брему на дверь! Но, к счастью, он был не единственным хозяином зоопарка. А среди членов попечительского совета все еще держалось (и справедливо!) мнение, что имя Брема украшает зоопарк, способствует притоку публики. Были среди членов совета и такие, кто прямо сочувствовал Брему.

Прошло два года. Это было удивительное время для Брема. Гамбург — большой портовый город, и многие звери, которых привозили в Европу, прибывали в гамбургский порт. А торговля животными в то время принимала уже значительные размеры.

Немало ловких предпринимателей, почувствовав интерес людей к животным, открывали зоопарки и зверинцы, все больше животных появлялось в цирках. Жестокое обращение, отвратительные условия, голодная жизнь приводили часто к гибели животных. Но из Африки и Азии, из Австралии и даже из Америки поступали все новые и новые партии четвероногих и пернатых пленников — их тогда еще много было на этих континентах.

Не одна тысяча животных прошла за эти годы через гамбургский порт, и, пожалуй, не было такого животного, которого бы не видел, за которым бы хоть короткое время не наблюдал Брем. Он встречал пароходы, привозившие животных в Европу, провожал поезда, увозившие их в глубь страны и в другие страны, часто бывал Брем и в знаменитом доме 19 на Шпильбунденплац, во дворе которого находились животные, купленные для перепродажи Готфридом Гагенбеком[4].

И все-таки главным для Брема был зоопарк. Он многого добился за эти три года. Уже не было сторожей, изводивших животных, уже появились просторные клетки и вольеры, около

которых нередко Брем рассказывал публике о животных, и в такие дни зоопарк был переполнен. Доходы от сборов значительно возросли, но Брем постоянно требовал, чтоб попечительский совет отпускал деньги на новые вольеры, на ремонт и постройку клеток, на корм животным. Увлекаясь все больше и больше работой, Брем и от акционеров требовал все больших и больших расходов.

Майер, возненавидевший директора после первой стычки, конечно же, пользовался этим. На заседаниях попечительского совета в отсутствие Брема, в частных беседах с отдельными членами акционерного общества он никогда не упускал случая сказать что-нибудь нелестное о директоре.

— Мы могли бы уже иметь пятьдесят процентов дохода! — говорил Майер. — Наш зоопарк едва ли не самый популярный во всей Германии, а то и во всей Европе. Публика валом валит. Но фактически мы имеем лишь десять процентов прибыли. И все благодаря господину директору. Благодаря его непомерным требованиям!

— Но ведь и доходы мы имеем благодаря господину директору, — пробовал кто-нибудь вступиться за Брема.

Однако Майер не сдавался. Он распустил слух, что Брем, вместо того чтобы проводить все время в зоопарке, сидит в своем кабинете и пишет, получая деньги и за свое директорство, и за свои литературные труды. Это была явная ложь, потому что все время, с утра до позднего вечера, отдавал Брем своему детищу. И лишь ночью садился он за письменный стол, чтоб работать над тем, о чем уже давно мечтал, что считал важнейшим делом своей жизни.

Клевета, даже явная, разъедала души людей, как ржавчина железо. И все больше и больше акционеров начинали косо поглядывать на директора зоопарка.

Друзья Брема советовали ему поменьше вступать в споры с Майером и членами попечительского совета, предупреждали его об опасности. Но не таков был Брем — не думая о последствиях, он вступал в споры, он по-прежнему требовал, чтоб совет отпускал деньги на усовершенствование зоопарка, не считаясь ни с чем, он говорил в глаза правду, шел напролом, не признавая дипломатических ходов. Таков был Альфред Брем.

Но хозяева зоопарка больше не хотели считаться с ним. Под влиянием Майера они решили, что Брем сделал свое дело — организовал зоопарк, создал ему славу, и теперь можно расстаться с господином директором.

Тучи сгущались над головой Брема. Требовался лишь предлог, чтоб попечительский совет предложил ему покинуть

службу. И такой повод нашелся. Брем давно добился того, чтоб сторожа не дразнили на потеху публике животных. Одних, наиболее жестоких, он уволил, другие побаивались крутого нрава директора, и над клетками хищников уже не раздавался яростный или жалобный рев. И вдруг однажды в открытое окно директорского кабинета донесся отчаянный медвежий вопль. Недавно Брем купил старую медведицу, которая долго работала в цирке, но одряхлела и почти ослепла. Купил он ее не потому, что уж так нужны были медведи в Гамбургском зоопарке — их было достаточно, а потому, что хозяин цирка собирался ее застрелить. Брему стало жалко добродушное, совершенно ручное животное. Он решил, что хозяева не разорятся, если в зоопарке появится еще один медведь.

Брему не пришлось жалеть о приобретении: отдохнув, медведица стала всеобщей любимицей — проделывала перед зрителями различные цирковые трюки и, услышав аплодисменты или получив угощение, уморительно раскланивалась. И вот сейчас он услышал отчаянный, полный боли и горечи крик медведицы.

Через минуту Брем был уже у клетки, в толпе, горячо обсуждавшей происшествие. Брем сразу понял, что произошло, не мог лишь понять, кто из двух — сторож или старший смотритель — они оба были здесь — ткнул палкой в глаз зверю. Старший смотритель, увидав директора, очень разволновался и стал кричать, что сторож издевается над животным и его надо немедленно наказать. Сторож — молодой парень — испуганно поглядывал то на старшего смотрителя, то на директора и что-то невнятно бормотал.

— Господин директор, — услышал вдруг за спиной Брем, — виноват во всем я!

Брем резко обернулся. Перед ним стоял изысканно одетый молодой человек, окруженный такими же нарядными молодыми женщинами.

— Да, именно я, — улыбаясь и не вынимая изо рта сигары, продолжал молодой человек. — Я попросил одного из них — кого, не имеет значения, — развлечь моих спутниц и разозлить медведя. Надеюсь, за свои деньги я имею право на такую просьбу? — и, не дождавшись ответа, продолжал: — К сожалению, исполнитель моей просьбы переусердствовал, попал в глаз зверю палкой. Но какое это имеет значение? Ну, пристрелите этого медведя, я готов оплатить убытки…

Брем ничего не ответил, лишь скрипнул зубами и молча направился в клетку медведицы. Она тихонько постанывала и терла лапой морду, размазывая кровь. Когда Брем вошел в

клетку, она подняла голову и посмотрела на него единственным глазом. И было столько в этом взгляде тоски, горя, недоумения и боли, что Брем невольно отвернулся, — ему казалось, что зверь спрашивает: ну за что? Почему? Что я сделал людям плохого?

Брем осмотрел искалеченную морду зверя и обвел взглядом молчаливо стоящих у клетки людей. Увидав молодого сторожа, он поманил его. Сторож, не очень смело, но все-таки вошел в клетку. Медведица потянула носом воздух и отвернулась.

— А теперь вы! — приказал Брем старшему смотрителю.

Поколебавшись, тот тоже направился к клетке, но едва он вошел — медведица вздыбила шерсть и рявкнула так, что старший смотритель буквально вылетел из клетки.

— Ясно, — глухо сказал Брем, — вы, — обратился он к сторожу, — быстро ступайте за врачом. А вы, — он повернулся к бледному смотрителю, стоящему за спиной молодого человека, — немедленно убирайтесь отсюда! Вы уволены. Расчет получите в конторе.

— Но позвольте, — снова начал молодой человек, переглядываясь со своими спутницами и со старшим смотрителем, — я повторяю, что беру всю вину на себя, готов платить… Наконец… — он шагнул к Брему и загородил ему дорогу, — наконец, я требую!

— Отойдите, — тихо сказал Брем, — вы просто негодяй. К сожалению, я не имею возможности поступить с вами так, как вы того заслуживаете. Иначе вы пожалели бы о том дне, когда пришли в этот зоопарк…

На другой же день собрался совет попечителей. Майер торжествовал: наконец-то нашелся повод, чтоб расстаться с Бремом. Он посмел оскорбить племянника самого герцога! Об этом говорит уже весь город! Это непостижимо! Это возмутительно! Но Майеру не пришлось произносить обличительных речей перед членами попечительского совета. Брем не пришел на это собрание. Он прислал письмо, в котором просил решить: либо попечительский совет полностью доверяет директору и предоставляет ему свободу действий, либо освобождает директора от его обязанностей.

Совет выбрал второе.

Берлинский аквариум

Происшествие в зоопарке вызвало много толков в Гамбурге.

Одни осуждали Брема, другие были целиком на его стороне, третьи удивлялись ему. Но самого Брема эти разговоры нисколько не интересовали. Теперь он мало выходил из дому: целые дни сидел за письменным столом или возился с детишками — старшему, Херсту, в это время исполнилось три года, Текле два, а Лейле шел шестой месяц.

Дома Альфред преображался — здесь он был счастлив, здесь были его дети, его работа над книгой, верная и все понимающая Матильда. Одно лишь в эти дни беспокоило его: только что вышел первый том «Жизни животных», и Брем с нетерпением ждал, как книга будет принята читателями. Впрочем, если судить по первым отзывам, книга была принята с восторгом.

Вот и сегодняшний гость — известный ученый — специально посетил Брема, чтоб выразить свое восхищение по поводу его книги.

Они сидели в кабинете Брема, когда дверь неожиданно открылась и на пороге появился шимпанзе. Сложив губы трубочкой, обезьяна издала негромкий протяжный звук и с достоинством удалилась.

— Нас, кажется, приглашают к столу, — смеясь сказал Брем.

— Вы уверены?

— А это мы сейчас проверим!

Они вошли в столовую. Вся семья уже собралась за столом. Тут же на специальном высоком стуле сидела и обезьяна, держа в руке большую фарфоровую кружку с молоком. Отхлебывая молоко, она то и дело поглядывала на Лейлу, которую мать держала на руках. Покончив с молоком, шимпанзе слез со стула и заковылял к хозяйке. Приблизившись к ней почти вплотную, обезьяна протянула руку к ребенку. Гость чуть побледнел и испуганно посмотрел на хозяина, с улыбкой наблюдавшего за этой сценой.

— Неужели вы не боитесь за ребенка? — спросил гость, когда после обеда они снова вошли в кабинет.

— Нет, — спокойно ответил Брем, — я уверен, что эта обезьяна ничего плохого не сделает ребенку. Когда мы впервые показали этому шимпанзе шестинедельную Лейлу, он внимательно осмотрел ее, очень осторожно, я подчеркиваю — очень осторожно, провел пальцем по ее личику и поднял вверх руку, что в переводе с обезьяньего языка на человеческий, очевидно, означает заверение в абсолютно дружеском отношении.

Гость чуть-чуть усмехнулся.

— При всем моем уважении к вам, господин доктор, при всем моем восторге от вашей книги мне хочется все-таки решительно возразить вам: слишком много человеческих черт придаете вы

животным, слишком много говорите вы об их мыслительных способностях, об их характерах…

Брем ничего не ответил. Такие упреки слышал он не впервые. Еще после выхода книги «Жизнь птиц» ему говорили, что уж слишком он увлекается характерами птиц, наделяя пернатых совершенно несвойственными им чертами. Они у него и веселые, и печальные, честные и вороватые, лукавые и подлые, благородные и прямодушные.

Где-то в душе Альфред понимал, что некоторые упреки справедливы. Но скорее готов был выслушивать их, чем становиться на точку зрения тех натуралистов, которые считают, что животные не способны ни думать, ни чувствовать, ни переживать. В отличие от церковников, наделявших животных душой и способностями логически мыслить (в пределах, конечно, отпущенных им богом), эти ученые считали всех зверей и птиц лишь живыми автоматами. Брема не устраивала ни та, ни другая точка зрения. Он не считал животных способными мыслить так, как мыслят люди, но и категорически отрицал то, что животные лишь автоматы. Да и как он мог не отрицать этого, если собственными глазами видел сотни обратных примеров.

В тот вечер, разговаривая с гостем об отношении обезьяны к ребенку, Брем вспомнил о своем любимце Коко, который жил у него в Африке. Брем снял с полки книгу, открыл на нужной странице и протянул гостю.

«Коко, так звали нашего самца, тотчас взял под свое покровительство маленькую обезьянку, обращался с ней с материнской нежностью, стерег ее, пока она ела, и согревал по ночам на своих руках. Он постоянно заботился о ее здоровье, беспокоился, когда она отдалялась от него на несколько шагов, и при малейшей кажущейся опасности тотчас звал ее к себе назад. Когда мы хотели отнять у него этого детеныша, он тотчас приходил в ярость, бросался нам в лицо, кусал все вокруг и защищал своего приемыша всеми силами.

Так прожили они вместе несколько месяцев. Вдруг малютка захворала и через несколько дней умерла. Горе ее приемного отца было беспредельно; оно не было похоже на горе животного, но скорее на скорбь глубоко чувствующего человека. Прежде всего взял он своего мертвого приемыша на руки и ласкал его на все лады, обращался к нему с самыми нежными интонациями голоса, гладил его, как прежде, с большой нежностью. Потом посадил его перед собой, смотрел и, когда убедился, что он умер, начал кричать самым жалобным голосом. Несколько раз пытался он возвратить его к жизни и каждый раз громко вскрикивал, когда видел, что любимец его оставался без движения. Целый день он

ничего не ел; мертвый зверек поглощал все его внимание. Наконец силой мы отняли его у него и перебросили через высокую стену нашего двора в сад. Через несколько минут Коко перекусил свою толстую веревку, чего прежде никогда не пробовал делать, перескочил через стену и снова возвратился на свое прежнее место, держа трупик в руках. Опять привязали мы его, опять отняли у него мертвого детеныша и бросили в глубокий колодезь. Коко опять вырвался и убежал из дому и больше уже не возвращался. Вечером в тот же день видели, как он бежит к лесу».

Пока гость читал, Брем вспомнил другой эпизод, произошедший в Каире, когда он возвращался из Африки в Европу. Ручная обезьяна Пьеро, которую везли на повозке, неожиданно соскочила на землю, схватила очаровательного щеночка, барахтавшегося в уличной пыли, прижала его к себе, и никакие силы не могли заставить обезьяну отдать собачонку. Так и привезли их в Европу, так и жили они вместе несколько лет, крепко привязавшись друг к другу. Да только ли обезьяны способны привязываться к другим животным и людям, любить их, нянчить детей и играть с ними?

Брем вспомнил еще одну сцену, которую наблюдал в Африке. Трое крошечных ребятишек, которые едва умели ходить, играли с лошадью, приставали к ней, надоедали как только могли. Лошадь позволяла делать с собой что угодно, и единственное ее желание, как казалось Брему, было радовать детей…

Гость окончил читать, осторожно закрыл книгу и положил ее на край стола.

— Мне трудно судить, — сказал он, вставая, — возможно, когда-нибудь наука докажет, что вы правы.

— Может быть, — ответил Брем задумчиво, — но я и сейчас уверен, что животные способны чувствовать, переживать и в своих действиях они подчиняются не только инстинкту. И обращаться с ними, если животные находятся в наших руках, в нашей власти, мы должны исходя из этой предпосылки.

Почти то же самое сказал Брем через год тайному советнику Геку, когда тот от имени берлинского городского управления предложил ему переехать в Берлин и заняться организацией Берлинского аквариума.

Однако не надо думать, что Брему предложили организовать что-то вроде бассейна, в котором за стеклянными стенками жили бы рыбы и прочие обитатели водоемов. Брем не считал себя специалистом в этой области и вряд ли согласился бы взяться за такую работу. Но в том-то и дело, что городские власти Берлина хотели, чтоб Брем создал что-то вроде зоопарка, но под крышей.

Это должна быть достаточно большая территория, на которой разместятся и водоемы, где будут вольеры с птицами и клетки с самыми разнообразными зверями.

— Но ведь в Берлине уже есть зоопарк, — сказал Брем, выслушав предложение Гека.

— Я уверен, вы создадите такой аквариум, что ни Берлинский, никакой другой зоопарк в мире не сможет конкурировать с вашим, — улыбнулся тайный советник.

Но Брем пропустил его слова мимо ушей — буйное воображение рисовало уже картины будущего аквариума-зоопарка. Впрочем, ему ничего не надо было придумывать заново — он уже давно и очень тщательно продумал все, что касается нового типа зоопарка. Только бы берлинские власти не скупились на затраты и не мешали бы!

Берлин поразил Брема своим показным богатством и великолепием. Роскошные кареты и экипажи, всадники и всадницы в элегантных костюмах на выхоленных конях, шикарные рестораны и великолепные кафе, витрины богатых магазинов — все это встречалось на каждом шагу и поражало воображение приезжего.

Брем был далек от политики и, хоть читал газеты, не умел да и не хотел читать между строк, делать какие-то выводы из прочитанного. Он, конечно, знал о героических и трагических днях революции 1848 года, когда волна народного гнева была так велика и сильна, что даже прусский король, испугавшись народа, вынужден был склонить голову перед жертвами революции, знал, что народное восстание было жестоко подавлено, знал, что Берлин стал столицей государства, которое выиграло войну с Австрией, что здесь правит «железный канцлер Бисмарк» — жестокий, умный и хитрый правитель, неуклонно проводящий в жизнь свои планы. А планы эти приведут вскоре к войне с Францией и в конечном итоге принесут прусскому королю корону императора всей Германии.

Конечно, Брем не мог знать об этом, так же как не знал, что на темных окраинах города, там, где ютятся в жалких лачугах рабочие и ремесленники, уже накапливаются силы для борьбы с прусской военщиной, уже гремит в северо-германском рейхстаге голос одного из основателей социал-демократической рабочей партии Германии, Августа Бебеля, выступающего от имени немецких рабочих.

Брем не знал всего этого, хотя за внешним великолепием интуитивно почувствовал скрытую, напряженную жизнь города. Но разобраться в том, что происходит в прусской столице, у него не было времени. У него не было времени даже как следует

осмотреть ее. Уже через несколько дней он ходил по главной улице Берлина — тенистой Унтер-ден-Линден, что в переводе значит «Под липами», не замечая ни ресторанов, ни магазинов, ни богатых экипажей и нарядной толпы. Он стремился туда, где по его плану уже начали строить Берлинский аквариум, получивший потом название «Унтер-ден-Линден», по имени улицы, недалеко от которой находился.

Два года напряженной работы прошли, пролетели незаметно. И вот настало 1 мая 1869 года. В этот день на Унтер-ден-Линден и пересекающей ее улице — Фридрихштрассе — было особенно многолюдно. То и дело подъезжали кареты и экипажи, разодетые дамы и господа один за другим проходили под своды огромного здания Берлинского аквариума. Кажется, весь именитый и чиновный Берлин съехался в этот день сюда. И, глядя на прибывающих гостей, Брем почему-то вспомнил вдруг, что четырнадцать лет назад, как раз в этот же день 1 мая 1855 года, он получил университетский диплом и звание доктора. Четырнадцать лет. Не так уж и много. А сколько сделано? За это время он успел побывать в Испании и в северных странах, совершить вторую поездку в Африку и написать несколько книг, среди которых главная — «Жизнь животных», организовать Гамбургский зоопарк и устроить Берлинский аквариум…

…Публика была в восторге и не скупилась на похвалы. Впрочем, аквариум был действительно уникальным сооружением, где все продумано до мелочей, все сделано не только тщательно, но и с большой любовью. Таинственные пещеры, где жили самые разнообразные, привезенные чуть ли не со всего мира ящерицы и огромные стеклянные аквариумы с рыбами, причем для морских рыб сюда специально доставлялась морская вода, в искусственных прудах плавали крокодилы и тюлени, вокруг водоемов толпились розовые фламинго и задумчивые аисты.

Птицам здесь вообще уделялось большое внимание — в просторных клетках сидели на ветвях деревьев или перелетали с места на место десятки самых разных попугаев, начиная от небольших, скромно окрашенных карелов, кончая огромными, чуть ли не в метр величиной гиацинтовыми ара; красноносые кардиналы и райские птицы мирно уживались с хмурыми туканами, веселые рисовки с задиристыми ткачиками. Экзотическим птицам Брем уделил много внимания, но не забыл он и о «местных жителях» — для них был сооружен огромный «птичий дом» — просторная вольера, в которой летали, прыгали, порхали, пели, пищали, чирикали, свистели сотни мелких птичек.

Когда Брем осторожно открывал дверь вольеры и входил внутрь, сразу почти все птичье население этого «дома» слеталось

к нему, усаживалось на его руки, плечи, голову. И трудно сказать, кто в эти минуты был в большем восторге — публика, наблюдавшая эту сцену, или сам Брем, приручивший этих птиц.

Но птицы были не единственной гордостью Брема — в специально отведенной части аквариума находились клетки с хищниками, а в другой части помещались обезьяны, собранные сюда чуть ли не со всего света.

Именно здесь, в этом Берлинском аквариуме, начались первые в истории зоологии опыты по длительному содержанию в неволе горилл.

Аквариум быстро стал одной из самых любопытных достопримечательностей Берлина. Но Брем продолжал мечтать о расширении его. Он уже имел несколько неприятных разговоров с властями города. Поначалу чиновник — представитель власти, с которым разговаривал Брем, был поражен: как, неужели господин доктор не удовлетворен? Весь Берлин в восторге, а он недоволен? Брем терпеливо объяснял чиновнику, что аквариум слишком мал — его может посещать ограниченное число людей, а ему, Брему, хотелось бы, чтоб с животными знакомились самые широкие слои населения. Это не понравилось чиновнику, и он что-то резкое ответил Брему. Брем вспылил, и разговор ни к чему не привел.

А на следующий день в аквариум приехал тайный советник Гек. Он был вежлив и любезен, пообещал, что власти отпустят дополнительные средства на расширение аквариума, но решительно попросил Брема выбросить из головы мысль о «просвещении народа». Брем ничего не ответил, а через несколько дней, увидев у входа в аквариум толпу оборванных ребятишек, неизвестно как и зачем попавших с окраины на эту аристократическую улицу, распорядился пропустить их в аквариум и с удовольствием наблюдал, каким восторгом, счастьем, интересом светились глазенки ребят. Конечно, об этом поступке Брема стало известно, и очень скоро тайный советник Гек снова имел беседу с директором аквариума.

Он долго и настойчиво, как нерадивому школьнику, объяснял Брему, что там, где бывают люди «из общества», не место оборванцам с окраин.

— Ну что ж, видимо, я не гожусь в директора аквариума, подыщите мне замену.

— К сожалению, я вынужден сообщить вам эту неприятную новость: наблюдательный совет города поручил возглавить Берлинский аквариум мне… Однако, господин Брем, — быстро продолжал Гек, видя, что Брем молчит, и не зная, что последует за этим молчанием, — мы вовсе не хотим расставаться с вами. Ваши заслуги неоспоримы, ваши знания бесспорны и

необходимы…

Но Брем уже не слушал тайного советника.

Он шел по Унтер-ден-Линден не оглядываясь. Он был уверен, что больше уже никогда не придет сюда. Что ж, у него есть дело — его книги, у него есть семья — его Матильда, Херст, который уже начал ходить в гимназию. Текле уже шесть лет, Лейле — четыре года, родившейся уже в Берлине Юлии недавно исполнилось три, а совсем недавно в семье Брема появился новый член — Фрида, которой еще нет и двух месяцев. Пожалуй, даже хорошо, что пришлось расстаться с аквариумом. По крайней мере, он сможет больше внимания уделять детям — ведь, бывало, месяцами видел он их только спящими — уходил рано утром и приходил поздно вечером.

Но прошло несколько недель, и Брем снова переступил порог аквариума. Гек, пригласивший его, начал без предисловия:

— Уважаемый господин Брем! Я знаю вашу любовь к животным, знаю ваше благородство и то, как дорог вам этот аквариум. Именно поэтому я и решил обратиться к вам. Нам нужна ваша помощь, ваши знания. Ученые, которых я пригласил, к сожалению, лишь теоретически имеют представление о животных. Они не знают, как обращаться с ними, и вот в результате погибло несколько очень ценных экземпляров нашей коллекции…

Брем почувствовал, как тоскливо и болезненно сжалось сердце. Круто повернувшись, он вышел из кабинета Гека и пошел к клеткам и вольерам.

В этот день он поздно ушел из аквариума, а на другой день рано утром снова был там.

И опять началась работа. Опять каждое утро обходил Брем аквариум, опять, как и раньше, опрыскивал он каждое утро несколько десятков хамелеонов — в террариуме было слишком сухо, и если не опрыскивать хамелеонов водой, они могут погибнуть. Снова вместе со служителями готовил птицам корм, следил за тем, как раздают его, наблюдал, как чистят клетки, а если требовалось, — и помогал. Он не боялся никакой работы и нередко делал самую черновую.

Недаром же через несколько лет, в 1878 году, когда австрийский император Франц-Иосиф наградил Брема орденом Железной Короны, орденом, дававшим право на дворянство, орденом, который давал право Брему перед фамилией иметь приставку «фон» (фон Брем!), Альфред заявил, что он привык заниматься такими делами (имея в виду уборку клеток, например), которыми дворянину заниматься не пристало, и отказался от ордена.

Тайный советник Гек был достаточно умен, чтоб не вмешиваться в зоологическое хозяйство Брема. И хоть считал, как, впрочем, и многие, что ученому не пристало делать то, что делают служащие и сторожа аквариума, он молчал. Гек занимался лишь «политикой»: как человек «высшего общества» он взял на себя всю «дипломатическую» сторону, и, в частности, переговоры с городскими властями, финансовые вопросы и тому подобное.

И все-таки Брем постоянно чувствовал свое зависимое положение, хотя Гек был достаточно тактичен. В конце концов городским властям вскоре надо было решить: предложить ли Брему снова покинуть аквариум или снова стать его директором.

На этот раз власти выбрали второе. Об этом ему с удовольствием сообщил тот же Гек, постоянно чувствовавший, что настоящий директор аквариума все-таки Брем, а не он, тайный советник Гек.

— Однажды в Гамбурге по примеру Гагенбеков я захотел заняться торговлей животными, — сказал Брем, выслушав Гека.

— И что же? — спросил удивленно тайный советник.

— Прогорел.

— Я не понимаю вас.

— Видите ли, господин Гек, — улыбнулся Брем, — я не коммерческий человек — я продавал животных себе в убыток, если видел, что они попадают в хорошие условия, и отказывался часто от прибыли, если знал, что животным будет плохо у того, кто предлагал мне большие деньги.

— И все-таки я не понимаю вас, господин доктор.

— Я думаю, что городские власти не будут в восторге от того, как я буду вести коммерческие дела. Я готов работать ради науки, но если от меня потребуют сделать из аквариума лишь доходное предприятие — ни одного дня я не останусь тут. Вы можете передать это наблюдательному совету?

— Могу, — кивнул Гек, — и думаю, что им придется смириться с этим.

Поначалу городские власти пошли на уступки, и Брем получил относительную свободу в своих действиях. Но только поначалу. Вскоре они снова напомнили Брему, что аквариум должен приносить доход, чтоб директор не требовал дополнительных средств… Брем почувствовал, что повторяется гамбургская история.

И снова покинул аквариум. Теперь уже навсегда.

Теперь он мог полностью отдаться основному труду — готовить второе издание «Жизни животных».

Глава пятая

Предисловие, которое, может быть, следовало бы написать к «Жизни животных» А. Брема

Вот мы и подошли к самому главному в жизни Альфреда Брема. Он много ездил, путешествовал, много спорил, ссорился, боролся с людьми, которые спекулировали на животных или мучили их и издевались над ними. Брем написал немало книг — и научных и популярных. Однако никогда бы его имя не стало так знаменито, никогда бы так высоко не оценили его современники и потомки, если бы не «Жизнь животных», которую он написал.

Нам, теперешним читателям и любителям природы, не очень-то легко понять, почему так восторженно встретили читатели «Жизнь животных». Сейчас на полках библиотек стоят сотни и тысячи книг по зоологии: специальных и научно-популярных, стоят книги, в которых рассказывается о многих животных, и книги, посвященные отдельным зверям или птицам.

А в те времена, когда жил Брем, дело обстояло совсем иначе.

Правда, тогда были книги по зоологии, были научные труды и научно-популярные работы. Но, во-первых, таких книг было немного, а во-вторых… Да, вот именно — во-вторых!

Во-вторых, среди этих книг ничего похожего (даже приблизительно!) на то, что написал Брем, не было.

Конечно, люди всегда интересовались животными, старались познать их, своих соседей по планете, своих друзей, помощников и врагов.

Человечество за многие тысячелетия своего существования накопило немалые знания о животных. Правда, это не мешало людям верить в животных духов и в «нечистых», не мешало им обожествлять животных и проклинать их, поклоняться и бояться, заниматься магией и сочинять легенды о зверях и птицах. Но и реальные знания были. Не было системы.

Почти две с половиной тысячи лет назад появился человек, который впервые систематизировал знания людей о животных, положил начало науке зоологии.

Этим человеком был Аристотель.

Аристотель жил в Афинах — в столице Древней Греции. Он родился в 384 году до нашей эры, прожил 62 года и из них 45

отдал науке. Аристотель знал все: философию, физику, логику, историю, зоологию. За свою жизнь он написал около 300 сочинений. К сожалению, дошли до нас немногие, но среди уцелевших книг 19 посвящены животному миру, а в 10 из них даны описания 454 разных животных. Книги Аристотеля — он назвал свой труд по биологии «Историей животных» — очень и очень несовершенны с нашей точки зрения. Но разве можем мы судить с теперешних позиций труд, написанный почти два с половиной тысячелетия назад? К тому же это был первый, по сути дела, специальный труд по зоологии. И то, что там было множество ошибок, вовсе не удивительно, а то, что там было много верного, много такого, о чем и не подозревали его современники, — величайшая заслуга Аристотеля.

Аристотель первый в истории человечества составил список обитателей нашей планеты. Правда, сравнительно короткий, но ведь первый же!

Не ограничившись одним лишь списком, он дал и довольно подробное описание некоторых животных, их строения, нравов, привычек…

Аристотель попытался систематизировать известных ему животных.

Но и это еще не все. Аристотель разделил все живое на четыре царства: на одушевленный мир, который только существует, растительный мир, который существует и размножается, мир животных, который существует, размножается и двигается, и, наконец, человек, который, кроме всего, еще и мыслит.

А внутри этих миров, в частности внутри мира животных, он расположил объекты по восходящей — от примитивных с его точки зрения организмов к сложным.

Аристотель был, конечно, далек от мысли об изменчивости всего живого, от того, что мы теперь называем эволюцией. Он вовсе и не думал утверждать, что существо, стоящее на более высокой ступени, произошло от существа, стоящего ниже по своему развитию. Но уже тот факт, что он заметил и подчеркнул эти ступени, — огромная заслуга ученого.

Таков был Аристотель — первый зоолог на нашей планете. Его авторитет в науке был непоколебим в течение двух тысячелетий. Два тысячелетия жила зоология трудами Аристотеля, лишь немного дополняя, комментируя и популяризируя их.

И одним из таких популяризаторов науки своего времени, вошедшим в историю зоологии с полным правом, так как очень много сделал для нее, был римлянин Плиний Старший, живший в

первом веке нашей эры (23–79 гг.).

В XVI веке появился труд швейцарца Конрада Геснера «История животных». Геснера часто называли и иногда называют сейчас «Плинием эпохи Возрождения».

В XVIII веке жил и работал замечательный ученый-популяризатор Бюффон. Его тоже иногда называли «Плинием XVIII века», а чаще «Геснером XVIII века».

Альфреда Брема называли и Плинием, и Геснером, и Бюффоном XIX века. Но чаще называли Плиния «Бремом древности», Геснера «Бремом эпохи Возрождения», Бюффона «Бремом XVIII столетия».

Кто же они, эти предшественники Альфреда Брема, наметившие и в какой-то степени проложившие дорогу к «Жизни животных»? Наверно, стоит о них рассказать хоть вкратце. И

тогда, я думаю, понятней будет, почему книги А. Брема вызвали такой интерес, почему сделали его всемирно известным и почему его имя живет до сих пор.

«Естественная история» Плиния

Плиний Старший оставил огромное литературное наследие: «Историю моего времени», состоящую из 31 книги, 20 книг, посвященных войне с Германией, множество отдельных книг на разные темы и, наконец, «Естественную историю» в 37 книгах. Эту «Естественную историю» Плиний, по всей вероятности, ставил выше других своих книг, считал своим основным трудом. Во всяком случае, в посвящении императору Титу Плиний писал: «На путь, по которому я пойду, не вступал никто. Никто из нас, никто из греков не решался дать единоличного описания природы во всей ее совокупности. Если мой замысел не удастся, то самое стремление к нему было сладостно и великолепно».

Плиний решился «дать единоличное описание природы». Но сделал он это не так, как Аристотель. Если Аристотель стремился исследовать, насколько это было возможно в то время, общие законы жизни животных и приводил факты в основном для подтверждения своих выводов, то Плиний создавал лишь «энциклопедию фактов», если так можно было бы назвать его труд. Плиний не был ученым, поэтому не мог дать собственный, хоть как-то проверенный и осмысленный материал. Поэтому же он не мог относиться критически и к чужим работам, откуда в основном и брал факты. (Он проштудировал более 2000 сочинений по астрономии, минералогии, физике, ботанике, медицине, технике, этнографии, анатомии, зоологии.) И все, что казалось ему достойным внимания, вставлял в свои книги. А достойным внимания ему казалось многое, в том числе и самое невероятное. Правда, иногда Плиний оговаривался: «Пусть, кто хочет, верит», но чаще, гораздо чаще он оправдывал невероятные сведения, которые приводил, словами: «Могущество и величие природы превосходит все, чему можно поверить». Именно такая позиция привела Плиния к тому, что в его книгах вообще и в книгах, посвященных животным, в частности (зоологии посвящены четыре тома, с VIII по XI), много фантастичного.

Так, например, говоря в VIII книге о слонах, Плиний пишет: «Слон обладает такой честностью, которую не всегда встретишь даже у человека. Он питает некое религиозное чувство к звездам,

поклоняется солнцу и луне». Плиний рассказывает о вороне, которая каждое утро прилетала на Форум и приветствовала словами народ. Вообще, о том, что животные способны пользоваться человеческой речью, Плиний упоминает не раз — он пишет и о говорящих быках, и о гиенах, которые, по его мнению, не только разговаривают, как люди, но и называют по имени свою жертву. Кстати, они же ежегодно меняют свой пол. Зайцы же, утверждает Плиний, двуполые, а саламандры — вообще бесполые. Он пишет о птицах, имеющих два сердца и в то же время не имеющих ни вен, ни артерий, в его книгах сообщается, что львы, умирая, орошают землю слезами, а мясо медведя растет, будучи сваренным. Он утверждает, что зародыши падают с неба и, если их не поедают звери, перемешиваются между собой, превращаются в различных животных: и в таких, которых мы знаем, и в совершенно фантастических.

Можно привести еще немало подобных анекдотических сведений, которыми охотно насыщал свои книги Плиний. Однако, если бы его книги полностью состояли только из таких сведений, вряд ли мы считали бы их ценными. Но в том-то и дело, что Плиний писал о слонах не только то, что они честные и религиозные. Он довольно подробно (и достаточно верно) описал их нравы, рассказал о том, как их приручают, заставляют работать и участвовать в сражениях.

Говоря о хищниках, он пишет не только о слезах умирающего льва, но и о его жизни, подробно описывает жизнь тигров, сообщает о той роли, какую играют эти животные в римских цирках.

Описывая хамелеона, Плиний говорит не только о том, что эти животные питаются запахом яблок, но и довольно точно рассказывает, как они меняют окраску. Наряду с описаниями фантастических муравьев-гигантов Плиний сообщает и немало верного о жизни этих насекомых. Вообще с насекомыми он знаком неплохо, во всяком случае, он не только описывает, как самка кузнечика при помощи яйцеклада откладывает в землю яички, но и отвечает на вопрос, почему насекомые названы именно так (благодаря насечкам на их теле).

Плинию известны и многие другие достоверные факты, например то, что летучая мышь — млекопитающее (хотя не только во времена Плиния, но и много позже причисляли ее к яйцекладущим, как всякую птицу); он знал, что кукушки откладывают свои яйца в чужие гнезда, а рак-отшельник прячется в раковину для собственной безопасности. Ему известно, например, что «некоторые группы животных имеют вместо легких иные органы дыхания, которыми наделила их природа, как

наделила она многих животных жидкостью, отличной от крови».

Можно еще много говорить о достоверных фактах в книгах Плиния, и именно они, а не анекдоты и басни, — основа. Ошибки Плиния — это ошибки его времени, а достоверные факты — это уход вперед на многие годы и даже века.

Плиний не увидел свою «Естественную историю» изданной — это сделал его племянник Плиний Секунда Младший. Правда, круг читателей его был невелик — рукописные книги в Риме читали, точнее, имели возможность читать немногие. Да и гораздо позже, — когда появилась возможность их печатать, — сохранялась традиция: научные книги издавались только на латинском языке, который тоже знали немногие. И все-таки Плиний был очень популярен, а его книги сделали огромнее и очень важное дело: они заинтересовывали одних, вызывали недоверие и желание проверить у других, увидать чудеса, описанные в книге, собственными глазами, — у третьих. Они вербовали людей в армию любителей природы, воспитывали натуралистов, которые рано или поздно — в течение тысячелетий — двигали науку, исправляя ошибки «Естественной истории».

«История животных» Геснера

Он был врач и лучше других понимал, что уже больше никогда не встанет с постели. Впрочем, для этого не надо было быть врачом: чума, свирепствовавшая в Европе и не миновавшая в 1565 году и Цюрих, уносила с собой сотни жизней. И признаки этой страшной болезни были известны почти всем. Но Геснер как врач понимал, что не только болен, он понимал: часы его сочтены. И попросил:

— Отнесите меня в мой кабинет.

Люди в длинных грубых халатах и просмоленных масках, покрывавших лица, исполнили желание умирающего и вышли, плотно прикрыв за собой двери. В комнате остался тяжелый запах. Но Конрад не чувствовал его — он уже привык к этому запаху, как привык к маске и халату, с которыми не расставался в последнее время. Он надел эти доспехи и ринулся в бой со страшной болезнью. Его никто не заставлял идти в это сражение — дело его жизни тут, в этом кабинете, и за окнами кабинета — в саду. Но Геснер всегда помнил, что он врач. И ринулся в бой.

Халат и маска не спасли — он заразился. Геснер знал, что не встанет, и последние часы жизни захотел провести в своем

кабинете.

…Сознание то и дело покидало больного — он впадал в забытье. И тогда комнату наполняли причудливые существа. Они летали, садились на шкафы, на столы, на подоконники. И Геснер узнавал их: ну, конечно же, это «морские монахи». А вон там, в углу, — морской черт с собачьей головой, с козлиными рогами и рыбьим хвостом. «Вот они!» — кричал Геснер, — а может быть, ему только казалось, что он кричит? — но сейчас это не имело значения: главное — вот они, морские чудовища, теперь он видит их собственными глазами. А ведь до этой минуты ему так и не удалось увидеть их!

Сознание возвращалось к больному, и морские чудовища исчезали. Вместо них приходили воспоминания.

Да, вот здесь, в этом кабинете, побывало немало людей, приносивших ученому «драконов» и «морских чертей», «морских монахов» и базилисков. Одни чудовища стоили дороже, другие дешевле. Но Геснер отдал бы все деньги, которые у него были, за подлинного «морского черта» или «морского монаха». Однако каждый раз оказывалось, что приносили ему подделки, ловко сфабрикованные, сшитые из частей различных животных, чудовищ.

Ученый обнаруживал обман, прогонял мошенников. Но появлялись другие. Снова возникала надежда — и опять обнаруживался обман!

Но Геснер все-таки верил, что такие чудовища существуют, — он был доверчивым человеком, а вокруг него всегда кружили люди, видевшие этих животных «собственными глазами». Да, Геснер верил, что эти чудовища существуют. И надеялся сам увидеть их. А если и не удастся самому — их увидят другие. Но так или иначе — потомки оценят труд ученого, стремившегося во что бы то ни стало открыть и описать «морских монахов».

Потомки убедились, что ни «морских монахов», ни «морских чертей» не существует. И простили ученому его доверчивость и наивность. Но они оценили его огромный титанический труд, труд человека, впервые после Аристотеля и Плиния создавшего «полную зоологическую энциклопедию», собравшего все сведения, накопленные человечеством за две тысячи лет.

Время, в которое жил Геснер, называется сейчас эпохой Возрождения. В XV–XVI веках снова возродился интерес к античной культуре — к искусству, литературе, философии.

Это было время Великих географических открытий, крупнейшим из которых стало открытие Америки.

Это было время изобретения книгопечатанья — величайшего рубежа в истории человеческой культуры.

Наконец, это было время церковных реформ — Мартин Лютер поднял бунт против католической церкви, появилось лютеранство.

Однако все это вовсе не значит, что церковь сдала свои позиции. Она чуть-чуть отступила, но по-прежнему еще пылали костры инквизиции, пытки и тюрьмы — проверенное оружие церковников — продолжали преследовать всех инакомыслящих. И сотни мыслителей, ученых были обвинены в «ереси» и погибли на плахах или в тюрьмах. Но уже ничто не могло сдержать развитие науки.

В XV–XVI веках — в эпоху Возрождения — делается множество замечательных открытий, появляется немало блестящих ученых. Но на первом месте все-таки стоял Геснер. Он не сразу нашел свой путь, путь, прославивший его имя.

Конрад рано остался без родителей, и воспитывал его дядя — бедный малограмотный ремесленник. Видимо, судьба ремесленника ждала и Конрада, если бы не проявившаяся с раннего детства жажда знаний, стремление к наукам.

Неизвестно, кто надоумил Конрада отказаться от профессии ремесленника, кто указал ему путь в университет. Но известно, что в 1537 году в Цюрихском университете появился молодой профессор греческого языка Конрад Геснер. Ему шел тогда двадцать второй год. Казалось, Геснер достиг того, к чему стремился, — он стал ученым, стал профессором. Но Конрад стремился не к званиям и не к деньгам. Не ради этого он пошел в науку. Изучение греческой грамматики не увлекло — его страстно тянуло к естествознанию. И через четыре года в Цюрихе появился врач и натуралист, в недавнем прошлом — профессор греческого языка Конрад Геснер.

В двадцать пять лет люди не чувствуют своего возраста. А Геснер чувствовал — он выглядел гораздо старше своих лет и часто болел. Сказывались годы недоеданий, непосильного труда, годы, когда ему приходилось учиться и зарабатывать на жизнь.

И все-таки Конрад, несмотря на болезни, не мог сидеть на месте: натуралист должен собственными глазами, насколько это возможно, увидеть растения и животных других стран.

Геснер побывал во многих странах и всюду собирал растения — ботаника была его первым увлечением в естествознании. Правда, за пределы Европы он не выезжал, но и в Европе тогда для натуралиста был непочатый край работы. И неудивительно, что, вернувшись в родной город, он привез с собой огромное количество папок с растениями. Потом организовал ботанический сад, который содержал на собственные средства, хотя сад этот очень скоро стал гордостью Цюриха.

Как естествоиспытатель-ботаник он изучал растения, стараясь найти принцип, по которому можно было бы их систематизировать, как врач он искал растения, которые можно было бы использовать в качестве лекарств.

Геснер издал несколько книг по ботанике, но он не забывал и прежнюю специальность: писал и издавал книги по языкознанию. Потом увлекся минералами и написал о них книгу. Это были очень значительные для того времени работы — и по ботанике, и по языкознанию, и по минералогии. И все-таки своей славой он обязан зоологии. Видимо, Геснер понимал это — недаром же последние часы жизни он захотел провести в своем кабинете.

Кабинет Геснера был необычный. Скорее это был музей. Первый в мире зоологический музей.

Больной уже не мог видеть экспонаты этого музея, даже когда на короткое время приходил в себя, — не было сил открыть глаза. Но для того чтоб увидеть кабинет и все, что находится в нем, Конраду не надо было даже открывать глаза — он прекрасно знал и представлял себе каждую вещь, каждый предмет, находящийся здесь. Чучела зверей и птиц смотрели на него из застекленных шкафов, на полках, на специальных подставках стояли скелеты животных, лежали гербарии, коллекции насекомых. Но главной, самой большой ценностью кабинета-музея были четыре больших (каждая форматом с современную газету) книги и груда исписанных листов — материал для пятого, последнего тома. Этот том в основном будет посвящен насекомым. Точнее, должен был бы быть посвящен… Увы, Геснеру не суждено было закончить пятый том и увидеть его изданным — его издадут после смерти ученого друзья и ученики. Но четыре тома Геснер успел выпустить при жизни.

Четыре тома, один из которых посвящен млекопитающим, второй — яйцекладущим четвероногим, третий — птицам, четвертый — водным животным. Эти тома включали в себя все, что было известно в то время людям о животном мире нашей планеты. Геснер изучил все труды, начиная от Аристотеля и Плиния, кончая работами своих современников. Геснер свободно владел французским, английским, итальянским, немецким, греческим языками, он знал латынь, древнегреческий и несколько восточных языков. И если находил интересующую его книгу на одном из этих языков, читал ее в подлиннике. Проделывая огромную, буквально титаническую работу, Геснер из множества прочитанных книг, причем читал он книги и не имеющие отношения к естествознанию, выбирал все, что относилось к животным.

Он был честным человеком, честным ученым и, используя

чужой труд, всегда ссылался на автора, называя его фамилию, а к каждому тому был приложен еще и список использованных книг.

Цитируя некоторых авторов или заимствуя у них факты, Геснер иногда оговаривался, что сам он не очень верит первоисточнику. То же было и с рисунками — в книге их около 1000. Иногда рисунки сопровождались такими подписями: «Этот рисунок такой, каким его сделал художник, я не имею данных о его точности».

Но Геснер все-таки страдал излишней доверчивостью. И в его книгах наряду с достоверными описаниями животных, достаточно точными наблюдениями имеются описания «морских монахов» и прочих чудес, записанных со слов людей, видевших эти чудеса «собственными глазами».

Что ж, здесь Геснер был сыном своего века. И все-таки, создав энциклопедию животного мира, он обогнал свое время.

Современные книги по зоологии — если это не словари и справочники — не составляются по алфавитному принципу. Иначе, допустим, кенгуру, кузнечик, кукушка — все будет идти подряд, все будет свалено в одну кучу — и млекопитающие, и насекомые, и птицы. Сейчас в зоологии есть строгая и определенная система. И все животные распределены в ней на классы и семейства, роды и виды. Определены признаки каждого класса и рода.

Но это сейчас. А как должен был поступить Геснер, если в его время никакой системы не было, а то, что имелось, было очень запутано? Ни разобраться в этой путанице, ни придумывать свою систему Геснер не имел, видимо, ни времени, ни желания. Пришлось ему расположить животных по алфавиту. Но от этого книга его не превратилась ни в словарь, ни в справочник. Внутри каждого тома, даже внутри каждой статьи, была своя система: сначала Геснер говорил, как называется это животное на разных языках — ведь в каждой стране или на каждом языке одно и то же животное называется по-разному. Уже это делало книги Геснера очень полезными. Но это было далеко не все. За названиями следовало описание животного, его распространение. Затем — следующий параграф — его образ жизни, потом — описание повадок. Следующий параграф — своего рода прикладная зоология: охота, дрессировка, использование мяса животных, и, наконец, в конце статьи говорилось о происхождении названия этого животного, о его месте в религии, приводились пословицы, стихи, легенды и басни о нем.

Такого труда еще не создавал ни один ученый. Геснер знал об этом. Возможно, он понимал, что человечество оценит его труд. И человечество оценило: два с половиной столетия зачитывались

его книгами любители естествознания, два с половиной столетия воспитывались на них натуралисты.

Конечно, следующие поколения шагнули дальше. Но смогли они этот шаг сделать лишь благодаря Геснеру.

«Натуральная история» Бюффона

Иностранец или знатный провинциал, приезжавший в конце XVIII века в Париж и желавший познакомиться с его достопримечательностями, стремился в первую очередь повидать графа Бюффона. Еще бы! Ведь имя это известно во всей Европе, и как же можно было побывать в Париже и не повидать того, книгами которого зачитываются, как самыми популярными романами?

Однако повидать Бюффона удавалось далеко не каждому. Памятник — это пожалуйста, это смотрите сколько угодно (ему при жизни был поставлен памятник — шутка ли?!), а самого Бюффона — нет: граф уже стар, он дорожит каждым часом, он пишет… Вот уже почти сорок лет пишет Бюффон, и почти четыре десятилетия увлекается его книгами читающая публика Европы. Какой счастливый случай привел его на этот путь, кто надоумил его взяться за перо? Ведь он никогда не помышлял стать тем, кем стал в конце концов, — известнейшим писателем-натуралистом, одним из самых популярных людей не только во Франции, но и за ее пределами.

Большую часть жизни Бюффон именовался Жоржем Луи Леклерком. Лишь когда он уже был известен, король пожаловал ему графский титул и он стал графом де Бюффоном.

Романов и стихов он не писал, да и не собирался писать. Его привлекала наука. Он твердо решил писать научные труды. О чем? Для молодого Леклерка это не имело значения: он вспомнил свои занятия математикой и написал ряд математических трактатов, вспомнил про медицину и право — написал и на эти темы, описал свои наблюдения над природой, сделанные во время путешествий. И все это Леклерк аккуратно отсылал в Академию наук.

То ли академики не читали присылаемых работ и их поразило количество статей, исследований, мемуаров Леклерка, то ли действительно эти труды имели какую-то научную ценность (автор-то их был все-таки человеком далеко не заурядным), но так или иначе очень скоро академики приняли

двадцатишестилетнего Леклерка в свои ряды, избрав его членом-корреспондентом Французской академии наук.

Вот теперь бы и заняться чем-нибудь всерьез. А вот чем — этого-то как раз и не знал Леклерк.

Помог случай — знакомый семьи Леклерков, бывший лейб-медик короля, заведовал в то время Королевским садом. Собственно, название не вполне отражало суть этого сада: тут были самые разнообразные растения, и правильнее было бы называть его Ботаническим садом (впоследствии он действительно превратился в Парижский ботанический сад). Заведующий, или, как тогда называли, интендант, был болен и предложил Жоржу (благо он же член-корреспондент академии) занять его место. Будущий граф согласился, и вскоре назначение состоялось. Это произошло в 1739 году, Леклерку шел тогда тридцать второй год.

Год вступления Леклерка в должность интенданта Королевского сада, в котором, кроме ботанического сада, был и неплохой зверинец, можно считать годом рождения натуралиста Бюффона. Тем более что, кроме интенданта сада, он был еще и заведующим «кабинетом короля» — музеем-кунсткамерой. Леклерк-Бюффон, кроме горячей любви к знаниям, от природы был наделен блестящими способностями — пытливым и острым умом, феноменальной памятью, колоссальной работоспособностью, умением сопоставлять факты, отбирать их, делать обобщения, к тому же он прекрасно писал. Все это в сочетании с богатым фактическим материалом, который был у Бюффона под рукой, дало прекрасные результаты. Впрочем, результаты стали видны далеко не сразу — прошло десять лет, прежде чем интендант Королевского сада и кабинета-музея выпустил свою первую книгу. Вышла она в 1749 году и называлась «Естественная история, общая и частная, вместе с описанием кабинета короля».

Наука в XVIII веке еще не вырвалась из паутины церковников, тем не менее уже делала большие успехи. Бюффон мог выбрать любое направление в науке, тем более что уже были такие ученые, как англичанин Гарвей и итальянец Реди, голландец Сваммердам и швейцарец Геснер… Можно было заняться анатомией или физиологией, микроскопом или систематикой. Но нет, все это не интересовало Бюффона. Ему нравился Геснер. Вернее, не то, что он сделал, а нравился тот путь, по которому шел швейцарец. И будущий граф решил продолжить и углубить дело, начатое Геснером. Тем более что за два столетия многое изменилось!

Бюффон оставил огромное литературно-научное наследие —

он написал 44 тома (примерно 2 тысячи страниц большого формата). 36 томов вышли при его жизни, остальные — уже после смерти. Кроме книг по естествознанию, он написал ряд работ по геологии — науке, которая тогда только-только стала зарождаться, и высказал в них множество очень интересных и смелых мыслей. Так, например, Бюффон считал, что земля — это остывшая «капелька» солнца и в ее истории насчитывается семь периодов, каждый из которых, в свою очередь, насчитывает много веков.

Его интересовала проблема происхождения жизни, и этой проблеме он также уделял немало внимания, опять-таки проявив достаточную для своего времени смелость и прозорливость.

Наконец, его интересовала психология животных, и здесь он оказался на высоте.

Несомненно, на работах Бюффона сказалась общая обстановка тогдашней Франции. Ведь он был современником таких блестящих людей, как Монтескье, Вольтер, Руссо. Их мысли, их идеи владели тогда умами передовых людей Европы, воздух Франции был наэлектризован — надвигалась буржуазная революция 1789 года, а за ней уже вырисовывались грозные дни 1793 года.

Бюффон был человеком аполитичным, революционные, впрочем, так же как и контрреволюционные, идеи его не интересовали. Но общая обстановка, прогрессивные идеи, витавшие в воздухе, не могли не отразиться и на его работе.

Бюффон, конечно, был дилетант. То есть он не имел специальной подготовки, не прошел курс естественных наук в университете. Но он тем не менее был человеком глубоко образованным, начитанным, мыслящим. И ошибки в его произведениях не от неграмотности — с таким же успехом он мог сделать их и имея специальную подготовку. Правда, в работах Бюффона немало ошибок появилось из-за излишней доверчивости — Бюффон слишком верил авторитетам и повторял их ошибки. И будь Бюффон более требователен — мог бы их избежать. Да, ошибки были. Но дело не в ошибках, а в тех правильных мыслях и идеях, которые он высказывал, которые шли впереди своего времени и под которыми смело могли бы подписаться ученые и более позднего времени.

Однако работы не по геологии и философии принесли ему такую славу. Славу Бюффон заработал книгами о животных.

Животных он описывал со страстью, описывал красиво, приподнято. И это нравилось публике. Нравилась истина, а не анекдоты и чудеса. Правда, читающая публика изменилась — ведь это была уже эпоха философов-материалистов, эпоха

просветительства. Уже «Физиолог» не мог котироваться. И все-таки в том, что публика полюбила правдивые рассказы о животных, — немалая заслуга Бюффона.

Книги его выходят одна за другой — пятнадцать томов, посвященных млекопитающим, десять — птицам. Он мог бы выпустить и больше книг — писать он любил, умел, хотел и был готов делать это круглые сутки. Но Бюффон понимал — сейчас другие времена, другие требования, и просто описывать животных уже нельзя, нужно рассказать и об анатомическом строении. А анатомировать Бюффон не любил страшно. Что ж, это не обязательно делать самому — возможно, работа пойдет даже успешнее, если будет надежный помощник. Такой помощник у Бюффона был — он анатомировал животных, описывал их строение, Бюффон же собирал и обобщал факты.

В описании животных Бюффон не придерживался никакой системы, а если и придерживался, то очень условно: описал отдельно домашних и диких животных и распределил их по странам. Впрочем, такая бессистемность не смущала читателей Бюффона — они с восторгом встречали каждую его новую книгу. Книги эти моментально раскупались не только натуралистами и любителями природы. Книги переиздавались, переводились на многие языки, и с каждым новым томом росла слава Бюффона.

Правда, это вовсе не значит, что жизнь Бюффона-натуралиста была совершенно безоблачна. Так, например, много огорчений доставил ему Линней, вернее система Линнея.

Будучи натурой художественной, Бюффон терпеть не мог всяких схем, особенно если в эти схемы пытаются втиснуть живую природу. Бюффон считал, что этим природу унижают. Поэтому он не признавал классификации. А так как он, без ложной скромности, считал себя первым натуралистом в мире, то был убежден: его мнение никто не может оспаривать. Классификации нет и быть не должно. И вдруг оказывается, что классификация есть, — придумал ее какой-то швед Линней. Этого Бюффон стерпеть не мог и ринулся в бой. Однако сражаться с Линнеем ему оказалось не по силам — швед уже был признан всеми учеными, его система входила в жизнь.

Линней не считал нужным вступать в ученый спор со своим французским коллегой. Но его нападки он не оставил без внимания: давая наименование какому-то очень ядовитому растению, он назвал его бюффонией.

Но если спор с Линнеем, проигранный спор, ущемил лишь самолюбие Бюффона, то спор с церковниками мог обойтись ему гораздо дороже.

Впрочем, спора не было — был скандал, вызванный

появлением книг «История Земли» и «Эпохи природы».

Прочитав эти книги, богословский факультет Сорбонны пришел в ярость: кто осмелился утверждать, что земля — это частичка солнца? Разве не сказано в писании: создал ее бог из ничего? А что это за семь периодов земли, которые длятся тысячелетия? Разве не известно, что бог создал землю в шесть дней?

И еще много других поводов для возмущения богословов дал Бюффон своими книгами. Дело могло кончиться плохо — богословы не прощали такое! Но с другой стороны — нельзя же посадить в тюрьму одного из самых популярных людей Франции, человека, уважаемого за рубежом, ценимого при дворе!

Церковники нашли выход — они объявили книги Бюффона старческим бредом. Ну что ж, Бюффон не возражал: раз им так удобнее — пусть.

Не спорил он и со своими коллегами, не признававшими его книг потому, что они написаны были слишком популярно, ярким, легким, а не сухим, как подобает научным трудам, языком. Зачем спорить, терять на это время, когда надо еще так много рассказать людям?!

И Бюффон работал, работал не покладая рук, преодолевая усталость, работал чуть ли не до последнего дня жизни. А жизнь Бюффон прожил большую — он умер на 81-м году.

Бюффон как ученый сделал много. Но гораздо больше сделал он как популяризатор науки. И памятник при жизни он заслужил именно как популяризатор. Некоторые ученые — современники Бюффона да и позднейшие тоже — презрительно относились к такой деятельности, они считали, что ученый должен служить «чистой науке». Бюффон считал иначе: чем больше людей будут знать о животных, тем богаче будут они духовно, тем ярче и красочнее будут видеть мир. Однако не только это — животные и люди неразлучны. И человек должен знать тех, без кого он не может обойтись, кто служит ему на протяжении тысячелетий. Знать, чтоб лучше обращаться с ними, чтоб успешнее беречь и охранять.

Таким уж был «Плиний XVIII века», как называли Бюффона, — ученый, популяризатор, гуманист.

Глава шестая

«Жизнь животных» Альфреда Брема

Трудно сказать, когда Брем задумал написать энциклопедию животных. Вряд ли помышлял он о ней во время своего первого путешествия в Африку, хотя и вел (правда, очень нерегулярно) дневник и делал записи своих наблюдений.

Вряд ли думал он о «Жизни животных» и позже, в студенческие годы, когда писал свои воспоминания о путешествиях в Египет, Судан и другие страны.

Может быть, первым толчком было сотрудничество в «Садовой беседке», где помещались очерки — отдаленные страницы будущей энциклопедии? Возможно, и преподавание в гимназии в какой-то степени повлияло на замысел — слишком уж мало интересовались его ученицы и ученики животным миром, слишком мало поэтому знали о нем. Брем видел, что живой и яркий рассказ может увлечь их. Возможно, он уже подумывал о капитальном труде во время поездки в Испанию, а затем в северные страны.

В 1861 году Брему представилась возможность вторично совершить поездку в Африку: его пригласил в свою охотничью экспедицию герцог Эрнест Саксен-Кобург-Готский — «герцог-стрелок», как называли его современники за страстное увлечение охотой. Герцог любил путешествовать на широкую ногу — в окружении большой свиты, в сопровождении писателей, художников, ученых. Вот и в эту экспедицию герцог пригласил известного в то время писателя Герштекера и художника Кречмера. Брем же «удостоился чести» быть посланным вперед для выбора лагеря будущей охотничьей экспедиции. Брем согласился на это не только потому, что в те времена вовсе не считалось зазорным выполнять поручения «знатных особ» и путешествовать за их счет, а еще и потому, что он знал: на собственные деньги он не сможет поехать в Африку. Поехать вновь в страну, где он был десять лет назад, и посмотреть на ее природу уже другими глазами — глазами не восторженного юноши, а глазами опытного, много знающего ученого. Брем верил, что эта поездка даст ему много новых впечатлений, много новых материалов. И не ошибся: несмотря на кратковременность

пребывания в Африке, он собрал много интересных сведений и о слонах, и о горных животных, и об обезьянах. Он опубликовал их в книге «Результаты поездки в Абиссинию», вышедшей в 1863 году. И вот, видимо, работая над этой книгой и над другой — «Животные леса», — он окончательно пришел к мысли о капитальном многотомном труде, который назвал впоследствии «Жизнь животных».

Брем, несомненно, знал книги Бюффона — в своих работах он не раз ссылался на них. Но, очевидно, прочитал он их еще задолго до того, как впервые взялся за перо: вряд ли такой страстный любитель природы мог пройти мимо них. И безусловно, книги Бюффона сыграли в жизни Брема, как и в жизни других натуралистов, немалую роль. Недаром же Альфред Брем всегда с достаточным почтением относился к французскому натуралисту.

Но ведь Бюффон жил в XVIII веке, во времена Руссо и Вольтера. Время Брема было временем К. Маркса и Ч. Дарвина, и между мировоззрениями людей XVIII и XIX веков, между их отношениями к явлениям, наконец, между наукой XVIII и XIX веков была огромная разница. Книги Бюффона к середине XIX века безнадежно устарели. Нужны были новые. Новые и совершенно иные. Брем не собирался идти по стопам Бюффона. Да и не мог он этого сделать.

Брем был натуралистом в полном смысле слова. Основным орудием труда Бюффона были книги, перо и чернила, Брем же полжизни провел с биноклем в руках и ружьем за плечами. Если Бюффон и путешествовал в молодости, то отнюдь не по малоизведанным странам, а в зрелые годы он дальше своего поместья вообще не выезжал и животных видел лишь в зверинце. Брем же всю жизнь так или иначе наблюдал животных — в вольерах зоопарка и в тропическом лесу, в горах, пустынях, в тундре и тайге. И, наверное, нередко, работая над книгой, откладывал Брем перо и предавался воспоминаниям. А вспомнить

было о чем.

Может быть, он вспоминал, как во время путешествия по Скандинавии пролежал однажды на снегу восемнадцать часов, наблюдая за птицами. Появление людей спугнуло их, они с громкими криками тучами носились в воздухе и никак не могли успокоиться. А Брему необходимо было, чтоб они успокоились и повели себя так, как ведут обычно, — согревают яйца, кормят птенцов, улетают и прилетают к гнездам. И он ждал, ждал терпеливо, ждал восемнадцать часов. И дождался: птицы не только успокоились, не только перестали замечать неподвижно лежащего человека, но даже стали прогуливаться чуть ли не у самого его лица. Даже проводник Брема швед Эрик Швенсон — «снежный индеец», как в шутку называл его Брем, — человек, всю жизнь проведший в тундре и знавший здесь повадки и привычки, следы и голос каждого животного, был поражен терпением и выдержкой Альфреда.

Может быть, вспоминал Брем и о другом случае, произошедшем во время этого же путешествия, — о том, как он «разговаривал» с песцом.

Трудно сказать, что заставило подойти песца совсем близко к людям — любопытство или желание выяснить, нельзя ли чем-нибудь поживиться около этих двуногих существ, но так или иначе — песец подошел и неотступно следовал за путешественниками. Застрелить его ничего не стоило, но ни Брем, ни его спутник и не помышляли воспользоваться доверчивостью зверька. А тот все шел и шел за людьми, строго держась на определенном расстоянии. Если люди останавливались — останавливался и он, если они стояли долго — песец садился и внимательно наблюдал за ними.

Однажды Брем не выдержал и, повернувшись к песцу, произнес длинную и пламенную речь, объясняя зверьку, какой опасности он подвергает себя. Песец внимательно, будто понимая что-то, слушал, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, но когда люди отправились дальше, немедленно последовал за ними.

Мог бы вспомнить Брем и о «соловьиной ночи» в Испании, и об «обезьяньих битвах», которые наблюдал в Африке.

Однажды Брем видел, как на стадо павианов напал леопард. Обычно такие нападения всегда оканчиваются удачно для хищников, и в ряде мест обезьяны составляют основную пищу леопардов. Обезьяны никогда не защищаются, а спасаются бегством, оставив в когтях хищника своего товарища. Но на этот раз все произошло иначе: услышав крик товарища, все павианы-самцы, как по команде, бросились на хищника. Леопарду уже

было не до своей жертвы — он выпустил пойманную обезьяну и готов был удрать. Но павианы решили иначе — окружив хищника, они набросились на него, колотя, царапая, кусая врага. Тщетно пытался леопард вырваться из окружения, тщетно отбивался — обезьяны успокоились лишь тогда, когда он почти перестал дышать.

В другой раз, потревоженные выстрелом, павианы обрушили на охотников такой град камней, что те вынуждены были срочно укрыться под навесом скалы. Тогда обезьяны обрушили еще больший град камней на узкий выход из ущелья и перекрыли его так, что охотникам пришлось возвращаться обратно.

О многом мог вспомнить Альфред Брем, работая над «Жизнью животных», о многом мог рассказать своим читателям. И рассказывал. В отличие от Бюффона рассказывал о том, что видел собственными глазами, что знал не понаслышке и не из книг.

Нет, он не собирался спорить с Бюффоном. Но кое с кем он, несомненно, спорил.

В то время уже имелось немало книг о животных — зоология значительно шагнула вперед. Однако это были специальные книги, интересовавшие лишь ученых.

Брем задумал иное.

«Меня не удовлетворяет возможность описать наружность и внутренности животного, хотя и существует взгляд, что это самое необходимое в науке. Я считаю, что нужно не жалеть времени и места для описания жизни и поведения животных. Наши корифеи науки… расчленяют и систематизируют множество материала… и на наблюдения за животными уже не остается времени. А ведь животные — это чувствующие и двигающиеся существа, мертвые же, препарированные или заспиртованные, — их полная противоположность» — так писал Альфред Брем в предисловии к своей работе, так он думал. И не случайно же свой труд назвал он «Жизнь животных».

Первый том «Жизни животных» появился в 1863 году, последний, шестой — в 1869-м. К тому времени первый том не только был распродан и прочитан тысячами людей в Германии — он был переведен на многие другие языки. То же самое произошло и со следующими томами. Срочно потребовалось второе издание.

Но Брем не торопился. Дело в том, что, приступая к этой капитальной работе, Брем считал: одному сделать все не по силам. Тем более что насекомых, и вообще беспозвоночных, он знал плохо. Поэтому Брем пригласил известных в то время ученых Эрнста Ташенберга и Оскара Шмидта заняться этими животными, на себя же взял всех остальных. Брем понимал, что

одних личных наблюдений для такой книги мало. Он тщательно изучил и отобрал материалы из книг своих предшественников и своих современников. Однако, несмотря на тщательность, Брем проявил излишнюю доверчивость — беда не только его одного! — и в книгу попало много сомнительных или недостоверных сведений. Но если бы только это! Считая, что никто не знает жизнь и повадки животных лучше, чем люди, непосредственно и постоянно сталкивающиеся с ними, Брем обратился к рыбакам и охотникам, путешественникам и лесникам, к знакомым и незнакомым людям с просьбой сообщить все, что они знают, что видели или наблюдали. Он получил множество ответов. Опытные звероловы и внимательные наблюдатели, натуралисты-любители и знатоки природы рассказывали Брему много интересного, сообщали множество любопытных сведений. Но среди этих сведений были и придуманные истории, выдуманные эпизоды, то, что принято называть «охотничьими рассказами». К сожалению, Брем слишком доверял людям и верил им на слово. Возможно, он, зная, что в жизни животных очень много таинственного, еще не познанного и не понятого, считал: ни от чего нельзя отмахиваться, все может быть. Возможно и другое: сам Брем был абсолютно честен во всем, особенно если дело касалось науки, и не мог представить себе, что кто-то хочет ввести его, а вместе с ним и сотни тысяч читателей в заблуждение. Но так или иначе таких «охотничьих рассказов» в первое издание «Жизни животных» попало достаточно много. И несмотря на популярность свою, это издание доставило Брему немало огорчений. Вот почему он отказался от второго издания и снова засел за работу.

Второе, на этот раз уже не шести-, а десятитомное издание, начало выходить в 1876 году. Брем очень тщательно готовил его, изъял большинство непроверенных и выдуманных фактов, ввел много новых материалов.

Пересказать содержание книг Брема невозможно, цитировать отрывки нет смысла — Брема надо читать.

Да, читать, но читать и помнить: Брем жил и писал сто лет назад. А за это время многое, очень многое изменилось в зоологии.

Во втором издании Брем в основном избавился от «охотничьих рассказов», но тем не менее ошибок в нем немало. Точнее, сейчас стало известно, что это ошибки. Ошибки Брема — это ошибки времени.

Можно привести немало примеров таких ошибок. Так, например, во времена Брема все хищники считались вредными животными. Еще бы! Ведь они уничтожают других животных.

Уничтожение хищников ставилось в заслугу всякому охотнику и гораздо позже того времени, когда Брем писал свои книги. А в то время и подавно. В Германии был даже сооружен памятник в честь истребления последнего волка. И потребовались десятилетия напряженной работы многих ученых, чтоб разобраться в этом вопросе. Конечно, если хищников много — с ними следует бороться, однако полностью уничтожать их нельзя: сейчас стало известно, что хищники необходимы для сохранения тех самых животных, которых они уничтожают. Вот три примера: в начале этого века (значит, через полстолетия после выхода книг Брема) в Скандинавии решили уничтожить хищных птиц, чтоб увеличить число белых куропаток. Уничтожили. И куропаток стало действительно больше во много раз. Однако радость охотников длилась недолго: уже через несколько лет число куропаток значительно снизилось, а вскоре они почти исчезли. Причина — отсутствие хищных птиц. Оказывается, они уничтожали в первую очередь слабых и больных птиц (не подозревая, конечно, что это так, — просто слабые и больные скорее попадались в когти хищникам) и тем самым не давали распространяться болезням. Не стало хищных птиц — некому было уничтожать распространителей болезней, и среди куропаток начался мор.

Второй пример. Чтоб спасти чернохвостых оленей, американцы решили уничтожить волков и пум, которые снижают поголовье этих редких оленей. Современные средства уничтожения животных позволили охотникам быстро справиться с поставленной задачей. И действительно, оленей стало больше. Потом их стало так много, что они уже начали гибнуть от голода, среди них распространились заболевания, и в короткий срок чернохвостых оленей стало гораздо меньше, чем было их до истребления хищников.

Третий пример. В странах Африки и Азии, там, где уничтожили леопардов, очень сильно размножились обезьяны. Размножились до такой степени, что стали серьезным врагом земледельцев, стали наносить колоссальный ущерб.

Так что ошибки Брема довольно типичны и для людей, живших много позже и даже живущих сейчас.

Но если над одними фактами в «Жизни животных» было властно время, то над другими время не властвовало — Брем ушел от него вперед. Даже в отношении к хищникам. Так, например, Брем предупреждал о том, что уничтожение леопардов приводит к размножению в угрожающих количествах павианов.

Брема обвиняли в том, что в его книгах «нередко бессознательное преувеличение или вводящее в заблуждение

приукрашивание наблюдаемых фактов часто их затуманивают». Так писал один из ученых того времени — Бергард Альтум.

Да, возможно, Брем был пристрастен, особенно к птицам, возможно, у него нередко разыгрывалась фантазия — ведь он же был художник в самом подлинном смысле этого слова. Но главное не в этом. Главное в том, что Брем знал гораздо больше своих критиков. Не следует сомневаться в добросовестности и доброжелательности критиков «Жизни животных» — хоть подчас они знали и видели меньше, чем Брем, их знания были более упорядочены, и, возможно, это в какой-то степени мешало им заглядывать далеко вперед.

Брема часто (и нередко справедливо) упрекали в антропоморфизме, то есть в очеловечивании животных, в том, что они у него слишком логично мыслят, слишком хорошо ориентируются в ситуации. Например, в «Жизни животных», в одном из томов, посвященном птицам, Брем описывает такую историю. Ручной попугай, живший в комнате и свободно летавший по саду, увидел в саду гнездо зябликов и обратил внимание на то, как родители выкармливают птенцов. Понаблюдав за зябликами, попугай тоже решил кормить птенчиков. Однако зяблики не приняли его помощи, испугались и улетели. Попугай некоторое время подождал, не вернутся ли родители, и, убедившись, что их нет, а голодные птенцы громко пищат, принялся носить им еду в одиночку. Он делал это изо дня в день и так привык к птенцам, а те к своему кормильцу, что, оперившись и вылетев из гнезда, садились ему на голову, на спину.

Попугай благополучно выкормил птенцов, но даже такой благополучный конец не устроил ученых-педантов. Они упрекали Брема за то, что тот выдумал или принял на веру чей-то рассказ о попугае и зябликах.

Мы, конечно, не можем стать судьями в этом вопросе — был ли такой случай на самом деле или нет. Но то, что он мог быть, сейчас мы имеем право сказать с уверенностью. Родительский инстинкт у птиц так сильно развит, что многие готовы кормить даже чужих птенцов. Разве птицы, даже имеющие собственных птенцов, не задерживаются у гнезда, где во все горло орет кукушонок, которого с трудом могут прокормить приемные родители, и не отдают ему еду, предназначенную для своих птенчиков? (Кстати, этот факт был известен еще Аристотелю, но он объяснял такое поведение птиц красотой птенца: «… кукушонок так красив, что птицы начинают ненавидеть собственных птенцов».) Да только ли кукушонка кормят посторонние птицы?

Известно, что малиновка может взять на себя заботу и о больной птице, если увидит ее в лесу, и о чужих осиротевших птенцах. Известно, что скворцы, не нашедшие весной парочки или подходящего места для гнезда и оставшиеся, таким образом, без собственных птенцов, украдкой, тайком от родителей, подкармливают чужих скворчат. Известны и многие другие подобные факты. А не так давно весь мир обошла очень любопытная фотография — сидящая на краю бассейна птица кормит высунувшуюся из воды рыбку. Это не фальсификация, это инстинктивная реакция птицы на открытый рот — он напоминает ей ротик голодного птенца. Но все это стало известно и понятно теперь — во времена Брема было совсем иное дело.

Ученых, критиковавших Брема, можно было понять еще и потому, что многие из них искренне стремились к истине в науке, к искоренению всяких «охотничьих басен» и фантастических историй, которые испокон веков окружали животных и очень мешали науке двигаться вперед. Но к Брему они часто были несправедливы.

И еще одно. Зоопсихология тогда только-только делала первые шаги, об этологии — науке о поведении животных — еще никто не слышал. Брем был наблюдателем, пусть часто пристрастным, но ведь многое он видел собственными глазами. Он не мог часто объяснить тот или иной поступок животного (это пытаются делать современные этологи, но и то еще далеко не всегда успешно) и, описав его, оставлял без комментариев либо объяснял его по-своему.

Однако все научные споры, которые велись вокруг «Жизни животных», все критические замечания не касались читателей. А их стало в XIX веке гораздо больше, чем было во времена Бюффона.

Читатели приняли Брема безоговорочно, прочно и навсегда. Второе, как и первое, издание разошлось молниеносно и тоже было переведено на многие языки народов мира. Потребовалось третье издание. Четвертое вышло уже после смерти Брема, затем появилось пятое, шестое, седьмое… Каждое новое посмертное издание тщательно редактировалось крупными учеными, вносились поправки на основании новейших данных науки. Конечно, новое издание от этого выигрывало. Но редактировался и сам стиль — Брем писал ярким, образным языком, темпераментно и увлекательно. Редакторы делали текст строже, суше, и книги от этого сильно проигрывали. Седьмое немецкое издание, выпущенное в 1933 году, хоть и называлось по-прежнему «Жизнь животных» и считалось произведением Альфреда Брема, фактически уже имело мало общего с тем, которое начало

выходить в 1876 году. Но автором ее считался Брем — иначе и нельзя, иначе читатели не примут книгу — они привыкли, что «Жизнь животных» — Брема, и только его!

Имя Брема стало символическим, стало нарицательным. Когда-то Бюффона называли «Плинием XVIII века». В XIX и XX веках Плиния часто называли «Бремом древнего мира». А нашего современника — замечательного немецкого ученого, посвятившего свою жизнь животным, их спасению, и автора многотомной работы, рассказывающей широкому читателю о животных нашей планеты с точки зрения современной науки, Бернгарда Гржимека называют «Бремом XX века».

Книги Брема, даже переработанные, встречаются, к сожалению, сейчас не так уж часто. Но читатель не хочет расставаться с самим Бремом — он для него продолжает оставаться символом всего, что связано с природой. И не случайно выходящая сейчас в Германской Демократической Республике библиотечка, в которую, кстати, входят не только книги по зоологии, но и по ботанике, называется «Маленькая библиотечка Брема».

Кроме «Жизни животных» и нескольких других популярных книг по зоологии, Брем написал ряд научных статей, издал несколько серьезных научных книг, среди которых не потерявшая своей ценности и сейчас «Птицы в неволе» (2 тома). Однако его нельзя считать крупным ученым, таким, как, скажем, был его отец.

Брем много путешествовал и писал о своих путешествиях. Он побывал не только дважды в Африке и дважды в Испании, не только в Норвегии и Лапландии — он объехал многие страны Европы, путешествовал по Дунаю. Уже после выхода первого издания «Жизни животных» Брем был приглашен принять участие в экспедиции в Западную Сибирь. Из Петербурга, через Москву на санях по Волге они добрались до Казани, оттуда поехали в Пермь. Затем на тарантасах через Екатеринбург — в Тюмень, а затем в Омск. Из Омска — по Иртышу до Семипалатинска. Брем побывал и в Китае, а вернувшись в Россию, путешествовал по Алтаю, добрался до Томска. Из Томска — по Оби — до Обдорска, затем на оленях, пешком и на лодках дошел до самого берега Карского моря. Только по Сибири Брем сделал не меньше 15 тысяч километров, и, несомненно, это путешествие сыграло большую роль в его работе над новым изданием «Жизни животных».

И несмотря на то, что половину жизни провел Брем в пути, пересек экватор и побывал за Полярным кругом, исследователем-путешественником, таким, как был Пржевальский или Стенли, Потанин или Ливингстон, его не назовешь.

Возможно, Брему мешала его художественная натура, и он не очень стремился проникнуть в глубь предмета или исследовать досконально малоизвестную страну, а лишь стремился создать художественно-научный образ животного мира вообще и отдельных его представителей, страны, которую он посещал, и что он видел там. Если это так — он добился того, чего хотел. И заслуга его перед наукой, перед человечеством не меньшая, а возможно, и большая, чем даже очень крупных ученых и путешественников. Он был страстным пропагандистом и горячим энтузиастом науки, он открыл перед огромной массой людей величие и красоту природы вообще и животного мира в частности, благодаря Брему во многом изменилось отношение к животным, благодаря Брему сотни людей выбрали себе жизненный путь — стали натуралистами, зоологами, исследователями и путешественниками. И кто знает, что важнее — сделать открытие в науке или открыть перед народом дверь в эту науку? Трудно ответить на этот вопрос. Но можно сказать иначе: замечательных ученых было много, Брем был единственным!

Послесловие, которое необходимо было бы написать к «Жизни животных» А. Брема, изданной в наше время

Первое издание «Жизни животных» вышло немногим более столетия назад. С тех пор наука ушла далеко вперед, зоологи проникли во многие тайны животных, значительно увеличился список известных сейчас обитателей нашей планеты — животных. За это время было создано много очень нужных и интересных книг о животных. Но в это же время была создана и «Красная книга» — страшный документ, обвинительный акт, предъявленный человечеству природой. Эта книга, созданная Международным союзом охраны природы и природных ресурсов, — сейчас их уже два толстых тома, — действительно имеет ярко-красную обложку. Красный цвет не случаен. Он как бы говорит людям: «Стойте! Примите срочные меры! Сотни видов животных в опасности!» Если животных осталось две тысячи (или еще меньше), необходимы срочные меры, необходимо спасать этих животных, иначе они навсегда исчезнут с лица нашей планеты. Сейчас в «Красную книгу» занесено более 200 видов млекопитающих и более 300 видов птиц. Если люди не спасут их — они исчезнут, как уже полностью исчезли за последнее

столетие (за годы, прошедшие со дня выхода «Жизни животных») более 200 видов зверей и птиц.

Брем еще мог наблюдать за многими из них, он мог описать их, современные ученые уже лишены этой возможности. Многих животных, о которых писал Брем, мы знаем лишь по фотографиям или по рисункам.

Сто с лишним лет назад Брем приехал в Африку — страну, по сути дела, еще не открытую зоологами, страну с богатейшим животным миром. Брем путешествовал на примитивных судах, на верблюдах, продирался сквозь густые лесные заросли пешком, охотился с довольно примитивным оружием.

Прошло немного времени, и в Африку хлынули охотники, вооруженные самыми совершенными средствами истребления животных, снабженные новейшими средствами передвижения. И вот результат — сейчас в Африке осталось не более 10 процентов животных по сравнению с тем временем, когда впервые попал туда Брем.

Впрочем, не только охотники виноваты в этом.

В прошлом веке Африку стали заселять европейские колонисты. Они обратили внимание на «солнечных лошадок» — зебр. Зебры не мешали колонистам — в Африке хватало места и земледельцам, и стадам диких животных. Но колонисты быстро поняли: зебры — легкая добыча. И эта добыча может быть использована: мясом зебр европейцы стали кормить превращенных, по сути дела, в рабов африканцев, а из шкур изготовляли бурдюки для воды и бушели для пшеницы.

Однако вскоре колонисты вообще решили уничтожить зебр. И тысячи «солнечных лошадок» падали под пулями колонистов. Но колонистов все-таки не удовлетворяла такая «охота» — истребление животных, по их мнению, шло слишком медленно. И тогда был найден другой, более быстрый, легкий и дешевый (не надо тратить свинец и порох!) способ уничтожения: стада зебр подгонялись к пропасти, животные падали с огромной высоты и разбивались.

Зебр сейчас осталось в Африке не так уж много, а одна из самых интересных зебр — квагга — была уничтожена полностью. Брем еще мог видеть ее — последняя вольная квагга была уничтожена в 1878 году, а через четыре года в Амстердамском зоопарке умерла последняя на земле квагга.

В своих книгах Брем много рассказывал о львах. Да, в то время, когда он путешествовал по Африке, этих гордых и могучих хищников там было немало. Сейчас львы сохранились лишь в небольшом количестве в Центральной и Восточной Африке — на севере, где жили варварийские львы, последний был убит еще при

жизни Брема, в 1893 году, на юге Африки последний капский лев уничтожен в 1922 году.

Немного львов осталось и в Азии — в заповедниках Индии их сохранилось 250–300 (по другим данным — не более 100).

Брем описывал огромные стада слонов, описывал даже охоту на этих великанов. Но, видимо, не знал Брем, что в его времена, да и позже, ежедневно падали под пулями охотников примерно полтораста таких великанов. 50 тысяч в год — официальная цифра убитых слонов во второй половине XIX века. Фактически же слонов убивали чуть ли не в два раза больше. 50–100 тысяч слонов в год, столько же уничтожали охотники за слоновой костью и в начале нашего века.

Брем наблюдал за африканскими страусами и описал их. Но, возможно, не знал он, как варварски уничтожали этих птиц. И если бы не фермы, на которых начали разводить страусов, возможно, он был бы одним из последних ученых, видевших этих птиц на воле. Ведь перья страусов были одно время очень модны (только в 1875 году из Африки в Европу было привезено свыше 14 500 килограммов страусиных перьев — сколько это убитых страусов?!). А в Австралии страусов уничтожают не ради перьев, а ради того, чтобы просто уничтожить их — они мешают якобы земледельцам.

Птиц уничтожали ради перьев — уже в посмертных изданиях «Жизни животных» ученые, редактировавшие эти книги, указывали, что в начале нашего века только в Лондон доставили 400 тысяч шкурок колибри и 50 тысяч шкурок райских птиц.

Красивое оперение — то, что так радует любителей природы, — становится несчастьем для самих птиц. Яркий пример тому — история белоспинного альбатроса.

Альбатросы — птицы неутомимые, прекрасные летуны, им не страшны даже сильные ветры. Но в период гнездования они почти совершенно беспомощны. Альбатрос вообще взлетает тяжело, а когда он сидит на гнезде, то даже при смертельной опасности не пытается взлететь: он героически защищает свое единственное яйцо или своего единственного, толстого, совершенно беспомощного птенца.

Вот этим и пользовались собиратели перьев. Приезжая на остров Тихого океана, где гнездился альбатрос в момент насиживания яиц или выкармливания птенцов, собиратели перьев длинными палками убивали птиц, не желающих покидать гнезда. За день такие «заготовители» убивали по 100–200 птиц каждый. И вот за 17 лет — с 1887 по 1903 год — на островах было уничтожено не менее 8 500 000 взрослых птиц (а с птенцами, значит, не менее 17 000 000). Брем сейчас не мог бы описать их:

на всем земном шаре осталось не более семи десятков этих птиц.

Птиц убивали не только из-за перьев, но и из-за мяса. Так, в 1852 году была полностью истреблена лабрадорская гага. Охотники в один прием уничтожали тысячи птиц, гнездящихся большими колониями. Несколько десятков лет назад был полностью уничтожен черный тайфунник, причем уничтожали эту птицу тоже варварскими методами.

Но, пожалуй, самым варварским было истребление бескрылых гагарок — больших, до 75 сантиметров, птиц с недоразвитыми крыльями, широко распространенных по всему земному шару. Заготовители мяса действовали в период гнездования. В это время птицы собираются в большие колонии на побережье и спокойно сидят на гнезде, согревая единственное яйцо и заботливо оберегая единственного птенца. Вот тут-то и появлялись люди. Шли в ход палки, жерди, камни, птиц душили руками, топтали ногами, берега становились скользкими от раздавленных яиц и крови. Беспомощные птицы, отрезанные от моря и неспособные взлететь или забраться на скалы, в ужасе метались по берегу под радостные возгласы и гоготание убийц, опьяненных кровью и убивающих во много раз больше того, что способны были увезти.

Особенно яростное уничтожение бескрылых гагарок шло в начале прошлого века. В 1834 году они были уже полностью уничтожены. И лишь в 1844 году добыты две последние, случайно уцелевшие еще на земле птицы.

Не менее показательна история и со странствующими голубями, о которых писал Брем. Еще во время поездки Брема в Америку он мог наблюдать многотысячные стаи этих птиц. В начале прошлого века один зоолог подсчитал, что стая, за которой он наблюдал, состояла из двух с лишним миллиардов птиц. И таких стай было много. Когда стая голубей пролетала над каким-нибудь местом, то казалось, что наступила ночь, когда они останавливались на ночлег, на деревьях в лесу не хватало сучков, и птицы устраивались в несколько ярусов на спинах друг друга. Нередко даже толстые суки ломались под тяжестью голубей, а ведь каждый из них весил не так уж и много — граммов 200–250.

Странствующих голубей уничтожали ради мяса. Уничтожали и стихийно — кто придется и где придется, уничтожали и планомерно — создавались специальные бригады стрелков. И вот результат — в 1909 году была объявлена награда в 1500 долларов тому, кто укажет место гнездования пары странствующих голубей. Но до сих пор эту награду никто не получил — эти птицы были полностью уничтожены. Последний странствующий голубь умер в 1914 году в зоопарке.

Это лишь несколько примеров. Можно привести их гораздо больше — под угрозой истребления самый крупный хищник Северной Америки гризли (во всех лесах Америки едва ли наберется сейчас тысяча этих зверей), под угрозой полного исчезновения с лица Земли большой индийский носорог (осталось лишь 625 голов), суматринский (200 голов), яванский (не более 50 голов), под угрозой полного исчезновения орангутанги, тигры и многие виды других зверей и птиц. Предупреждающий огонь «Красной книги» видят еще далеко не все. И список животных — «кандидатов в ископаемые», кандидатов на полное истребление, к сожалению, продолжает увеличиваться.

Причин тому много. И одна из них — еще не преодоленное равнодушие к животным, непонимание их значения для жизни нашей планеты.

Сейчас многие люди все яснее начинают понимать, что надо принимать срочные меры для спасения животных. А это нелегко. Надо преодолеть равнодушие и косность, биологическую неграмотность и потребительское отношение к природе, надо воспитать любовь и уважение к окружающему нас миру.

Книги Брема во многом устарели, есть там ошибки и неточности. Но есть там и нестареющее, непреходящее — любовь и уважение к животным. Этим они ценны сейчас, и благодаря этому они стоят в ряду тех книг, которые помогают бороться за спасение фауны нашей планеты, а значит, вообще за спасение жизни на Земле.

Содержание

Глава первая

Приезд барона Мюллера к пастору Брему … 8

О чем могли разговаривать пастор Брем и барон Мюллер … 15

Предложение барона Джона Мюллера студенту Альфреду Брему … 20

Глава вторая

Вверх по Нилу … 28

Хартум … 38

Птицы … 43

Предательство барона Мюллера … 50

Решение … 56

Глава третья
«Фараон» — веселый студент … 63
«Садовая беседка», Испания и снова птицы … 75

Глава четвертая
Гамбургский зоопарк … 87
Берлинский аквариум … 103

Глава пятая
Предисловие, которое, может быть, следовало бы написать к «Жизни животных» А. Брема … 115
«Естественная история» Плиния … 120
«История животных» Геснера … 123
«Натуральная история» Бюффона … 130

Глава шестая
«Жизнь животных» Альфреда Брема … 138
Послесловие, которое необходимо было бы написать к «Жизни животных» А. Брема, изданной в наше время … 153

notes

Примечания

1

Конечно, Христиан Людвиг Брем не мог знать даже малой доли того, что сейчас знают о птичьих перелетах, — ведь по-настоящему изучать птичьи перелеты начали лишь после того, как в 1899 году был придуман способ кольцевания. С тех пор за семьдесят с небольшим лет было окольцовано более 10 миллионов птиц. Сейчас для изучения птичьих перелетов используют новейшие достижения науки и техники, вплоть до локаторов и авиации.

2

Увы, ни ему, ни другим ученым, мечтавшим о настоящих зоопарках, в которых были бы для животных созданы условия, близкие к тем, в которых они жили в природе, ничего не удалось добиться. Первую попытку устроить такой зоопарк сделал известный торговец животными Карл Гагенбек — его зоопарк в Штеллингене в основном соответствовал тому, о чем мечтал Брем. Подобные же попытки были сделаны в свое время и в Москве, где по инициативе профессора М. М. Завадовского была создана «новая территория» Московского зоопарка, и в степном зоопарке Аскания-Нова, организованном Фридрихом Фальц-Фейном, и в некоторых других городах. Однако по-настоящему мечта Альфреда Брема была воплощена сравнительно недавно — в новом зоопарке в столице ГДР Берлине.

3

Микаэль Гржимек погиб в экспедиции, где работал вместе с отцом. Он похоронен в заповеднике, носящем теперь его имя. На памятнике выбиты слова: «Он отдал все, что имел, даже свою жизнь за то, чтобы сохранить диких животных Африки».

4

Он к тому времени бросил рыботорговлю, решив, что покупка и перепродажа животных для зоопарков, зверинцев и парков куда выгоднее. К этому делу он приспособил и сына Карла, ставшего впоследствии знаменитым на этом поприще.